

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 3 (35).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (35), 2026.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0+82.2

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-3-273-321>

<https://elibrary.ru/AEMSFD>

© 2026. Игорь Виноградов

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

**Неатрибутированная рецензия Н.В. Гоголя
на книгу А.Г. Ободовского «Руководство к педагогике,
или Науке воспитания...».
К 190-летию первого российского учебника
по педагогике**

© 2026. Igor A. Vinogradov

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

**An Unattributed Review by N.V. Gogol
of A.G. Obodovsky's Book *A Guide to Pedagogy,
or the Science of Education...*
On the 190th Anniversary of the First Russian
Textbook on Pedagogy**

Информация об авторе: Игорь Алексеевич Виноградов, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: iwinigradow@mail.ru

Аннотация: В статье предлагается новая атрибуция одной из неозаглавленных рецензий Гоголя, написанных в 1836 г. для только что основанного

пушкинского «Современника», в библиографический отдел «Новые книги». Вместо двух анонимных книг для детей, намеченных в 1896 г. в качестве вероятного предмета гоголевской рецензии редактором 10-го издания сочинений Гоголя В.И. Шенроком (поддержано комментаторами Полного академического собрания гоголевских сочинений 1937–1952 гг.), выдвигается более значимое в тогдашней литературе издание — труд известного педагога и литератора А.Г. Ободовского «Руководство к педагогике, или Науке воспитания...» — первый отечественный учебник по педагогике. Подчеркивается, что для Гоголя-преподавателя, учителя истории в женском Патриотическом институте и адъюнкт-профессора в Императорском университете, выход в свет первого российского пособия по педагогике (представляющего собой переработанный труд немецкого педагога А.Г. Нимейера «Основы воспитания и обучения») имел такое значение, что обойти эту книгу, включенную в библиографический список журнала, он, определенно, не мог. С рецензией Гоголя учебник Ободовского объединяет общий характер поднимаемых проблем, а также одинаковое участие рецензента и автора-переводчика в деле российского образования. Исследуются переклички между гоголевской рецензией и пособием Ободовского-Нимейера, а также мотивы критической оценки Гоголем новой книги и отражение содержания рецензии в художественном творчестве писателя. Сообщаются дополнительные факты к атрибуции еще одного текста, находящегося в разделе «Новые книги» пушкинского журнала — послесловия, начинающегося словами «Вот книги, вышедшие в продолжение первой четверти сего года». Многолетняя полемика исследователей о том, кому принадлежит эта заметка, Пушкину или Гоголю, к окончательному выводу не привела. В статье доказывается, что заметка написана Гоголем. Работа состоит из восьми разделов: 1. Рецензия Гоголя: проблема атрибуции; 2. Жанр рецензируемой книги; 3. Стиль и содержание издания; 4. Духовные проблемы схоластики; 5. «Пушкинское» в рецензии для журнала Пушкина; 6. Педагогика и литература; 7. Гоголь, Пушкин, Плетнев: педагогика и государственность; 8. Послесловие отдела «Новые книги»: проблема авторства.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, журналистика, рецензирование, педагогика, образование, методика, художественная литература, духовное воспитание

Для цитирования: *Виноградов И.А.* Неатрибутированная рецензия Н.В. Гоголя на книгу А.Г. Ободовского «Руководство к педагогике, или Науке воспитания...». К 190-летию первого российского учебника по педагогике // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 3 (35). С. 273–321. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-3-273-321>

Information about the author: Igor A. Vinogradov, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-9151-4554>

E-mail: iwinigradow@mail.ru

Abstract: This article proposes a new attribution for one of Gogol's untitled reviews, written in 1836 for the newly founded Pushkin magazine *Sovremennik*, to the bibliographic section "New Books." Instead of two anonymous children's books,

identified in 1896 as the likely subject of Gogol's review by the editor of the 10th edition of Gogol's works, V.I. Shenrok (supported by commentators of the *Complete Academic Collection of Gogol's Works*, 1937–1952), it puts forward a more significant publication in the literature of the time—the work of the renowned educator and writer A.G. Obodovsky, “A Guide to Pedagogy, or the Science of Education...”—the first Russian textbook on pedagogy. It is emphasized that for Gogol, a history teacher at the Women's Patriotic Institute and an adjunct professor at the Imperial University, the publication of the first Russian pedagogy manual (a revised version of the German educator A.G. Niemeyer's *Fundamentals of Education and Training*) was so significant that he could not ignore this book, which is included in the journal's bibliography. Obodovsky's textbook shares with Gogol's review the common nature of the issues raised, as well as the equal involvement of the reviewer and translator in Russian education. The article explores the parallels between Gogol's review and the Obodovsky-Niemeyer manual, as well as the motives behind Gogol's critical assessment of the new book and the reflection of the review's content in the writer's work. The article provides additional facts for the attribution of another text from the “New Books” section of Pushkin's journal — an afterword beginning with the words “Here are the books that came out during the first quarter of this year.” The long-standing debate among researchers about who wrote this note, Pushkin or Gogol, has not led to a definitive conclusion. The article proves that the note was written by Gogol. The work consists of eight sections: 1. Gogol's review: the problem of attribution; 2. The genre of the book under review; 3. The style and content of the publication; 4. Spiritual problems of scholasticism; 5. “Pushkin” in the review for Pushkin's journal; 6. Pedagogy and literature; 7. Gogol, Pushkin, Pletnev: pedagogy and statehood; 8. Afterword of the “New Books” section: the problem of authorship.

Keywords: Nikolai Gogol, Alexander Pushkin, journalism, reviewing, pedagogy, education, methodology, fiction, spiritual education

For citation: Vinogradov, I.A. “An Unattributed Review by N.V. Gogol of A.G. Obodovsky's Book *A Guide to Pedagogy, or the Science of Education...* On the 190th Anniversary of the First Russian Textbook on Pedagogy.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (35), 2026, pp. 273–321. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-3-273-321>

1. Рецензия Гоголя: проблема атрибуции

В 1836 г. Гоголь написал для пушкинского «Современника» более двух с половиной десятков рецензий на только что вышедшие в свет книги. Эти рецензии предназначались в библиографический отдел только что основанного А.С. Пушкиным журнала. Несколько из рецензий Гоголя там действительно появились (без подписи)¹.

¹ В первом томе «Современника», увидевшего свет 11 апреля 1836 г. (цензурное разрешение номера — 31 марта), были напечатаны заметки Гоголя о восьми книгах — «Исторические афоризмы...»; «Плавание по Белому морю и Соловецкий монастырь...»;

Однако другая, большая часть написанных для «Современника» рецензий осталась в черновиках. В гоголевских рукописях все они не озаглавлены, но установить принадлежность их к тому или иному изданию в целом труда не составляет. За исключением одной, все они точно соответствуют тем книгам из библиографического списка «Современника», которые остались в опечатанном журнале неотрецензированными².

Проблему для атрибуции составляет лишь одна рецензия Гоголя. Она начинается словами: «Заглавие этой книги показывает, что она ошибкою попала в книги литературы» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 203]. Содержание рецензии носит характер настолько общий, что определить, к какому изданию из списка «Новые книги» в пушкинском журнале она относится, представляет задачу затруднительную³. Подойти к ее решению становится возможным лишь при детальном анализе биографии и творчества Гоголя этого периода.

Первую попытку атрибуции загадочной гоголевской рецензии предпринял в 1896 г. В.И. Шенрок, который выдвинул две гипотезы.

«Походные записки артиллериста...»; «Письма леди Рондо...»; «Путешествие вокруг света...»; «Атлас к космографии...»; «Мое новоселье»; «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей...» [Новые книги, 1836, с. 296–302, 304–305, 308–311, 313–315]; [Томашевский, 1952а, с. 769–772]. Кроме того, Гоголю приписываются рецензии «История средних веков, составленная Берлинским Профессором <Ф.А.> Циммерманом», «Первый день Светлого Праздника, соч. Л. Я<рцовой>» и заключительная заметка библиографического отдела «Современника» «Новые книги», начинающаяся словами «Вот книги, вышедшие в продолжение первой четверти сего года» [Новые книги, 1836, с. 302, 317–319]; [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 498]; [Томашевский, 1952с, с. 809–810]. Проблема с их атрибуцией заключается в том, что автографы заметок в бумагах Гоголя не обнаружены.

² Это следующие семнадцать рецензий: «Летописи русской славы...»; «Детский Карамзин...»; «Русские классики»; «История поэзии»; «Он и она»; «Недовольные»; «Путешествие к Святым Местам...»; «Описание Прусского государства...»; «Указатель губернских и уездных почтовых дорог...»; «Основание Москвы...»; «Убийственная встреча...»; «Детский павильон»; «Прекрасная астраханка...»; «Обозрение сельского хозяйства удельных имений...»; «Правила построения мореходных и речных пароходов»; «Полная ручная кухмистерская книга...»; «Торговый адрес-календарь...» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 198–203, 205–209] (ср.: [Новые книги, 1836, с. 302–305, 307, 311, 313, 315–317]).

³ В записной тетради Гоголя 1835–1836 гг., где находится рецензия (РГБ. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 3. Л. 14 об.–15), ей предшествуют черновая редакция повести «Коляска» и черновые наброски драмы из английской истории «Альфред», а последуют еще двадцать четыре черновые рецензии для первого тома пушкинского журнала, а также статья «Петербургская сцена в 1835–36 г.», черновые наброски к статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» и др.

Во-первых, В.И. Шенрок полагал, что изданием, которое рецензировал Гоголь, мог быть второй том издания «Картины мира, или Полезное и приятное чтение для юношества», напечатанный в Петербурге в 1836 г. ([Ольдекоп, 1836]; цензурное разрешение 8 февраля)⁴ [Тихонравов, Шенрок, 1896, с. 736] (составитель и переводчик статей, вошедших в книгу, литератор, цензор и издатель Евстафий Иванович Ольдекоп; 1786–1845). По другому предположению В.И. Шенрока, Гоголь мог писать об еще одном переводном анонимном издании для детей — «Руководстве к сокращенному познанию всех наук, искусств и художеств, для употребления юношества» ([Руководство, 1836] цензурное разрешение 1 апреля 1835 г.) [Тихонравов, Шенрок, 1896, с. 736]⁵. При этом В.И. Шенрок замечал:

Выписанное нами заглавие книги «Картины мира» приводится лишь предположительно *без веских доказательств* (курсив мой. — И.В.), что именно эта книга в данном случае разбиралась Гоголем. <...> В виду <...> слишком общего характера рецензии, предположения возможно делать лишь при помощи исключения всех рецензий заведомо разобранных в «Современнике» книг. Если исключить некоторые специальные сочинения, до латинских грамматик и словарей включительно, то данную рецензию возможно отнести разве к двум или трем остающимся затем книгам, и притом таким, для которых, по-видимому *предназначалось* составить рецензию. Из таких книг <...> остаются: «Картины мира» и «Руководство к познанию наук, искусств и художеств. Для юношества. В двух отделениях». Мы предпочли выставить предположительно и в сопровождении вопросительного знака название первой книги, на которой, по сви-

⁴ Первый том «Картин мира, или Полезного и приятного чтения для юношества» вышел двумя годами ранее, в 1834 г. (цензурное разрешение 5 декабря) [Ольдекоп, 1834].

⁵ В числе других, обе книги находятся в библиографическом перечне «Современника» «Новые книги»: «Картины мира, или полезное и приятное чтение для юношества. Часть 2-я. С. П. бург, 1836 г. (<в> 4 <долю листа>» [Новые книги, 1836, с. 313]; «Руководство к сокращенному познанию всех наук, искусств и художеств, для употребления юношества, расположенное на вопросы и ответы. Перевод с Французского Москва, в тип. Степанова. 1836, в 12 <долю листа>, IV и 319 стр.» [Новые книги, 1836, с. 308]. Во втором томе «Современника» название второго издания было повторено в списке «Новые Русские книги, вышедшие с апреля месяца 1836 года»: «Руководство к познанию всех наук, искусств и художеств. Для юношества. В 2 отдел<ениях>» [Новые Русские книги, 1836, с. 315].

детельству одного из опекунов бумаг покойного Н.С. Тихонравова и близкого к нему лица С.О. Долгова, более склонен был остановиться последний. Но, с другой стороны, Н.С. Тихонравов также далеко не был убежден в справедливости своего предположения, и вообще *вопрос этот является весьма темным* (курсив мой. — И.В.) в виду приведенных выше соображений [Тихонравов, Шенрок, 1896, с. 736].

В 1952 г. Б.В. Томашевский, известный пушкинист, один из комментаторов Полного академического собрания сочинений Гоголя 1937–1952 гг., поддержал сомнительные предположения В.И. Шенрока. Б.В. Томашевский писал:

Список книг в «Современнике» дает возможность совершенно точно определить, о каких именно книгах писал Гоголь. Только одна <...> рецензия настолько общего характера, что ее лишь предположительно можно отнести к книге «Картины мира» [Томашевский, 1952b, с. 772].

Сомневаясь, однако, в справедливости предположения, Б.В. Томашевский добавлял:

Рецензия относится либо к книге «Картины мира», либо к книге «Руководство к познанию наук, искусств и художеств». Обе книги предназначены для юношества и являются опытами популяризации знаний. Так как в рецензии ставятся общие вопросы, а рецензируемая книга недостаточно охарактеризована, вопрос остается открытым; вероятнее, что Гоголь имел в виду именно «Картины мира»⁶ (курсив мой. — И.В.) [Томашевский, 1952b, с. 774].

Этими общими рассуждениями исследователь в кратком академическом комментарии ограничился. Какие-либо аргументы, подкрепляющие гипотезу, в комментариях отсутствуют. С тех пор ученые к данному вопросу больше не возвращались. Между тем вер-

⁶ В основном тексте тома академического собрания преимущество тоже было отдано в пользу «Картин мира...». Здесь гоголевская рецензия была предварена заглавием (в угловых скобках), которое было взято из списка «Новых книг» «Современника» [Новые книги, 1836, с. 313]: «<Картины мира, или полезное и приятное чтение для юношества. Часть 2-я. С.-П.-бург, 1836 г. (4)>» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 203].

ность предположения В.И. Шенрока и Б.В. Томашевского вызывает серьезные сомнения. Потребность в новой атрибуции гоголевской рецензии диктуется несколькими соображениями.

Во-первых, общего между рецензией Гоголя и указанными учебными изданиями для юношества только то, что и те и другие относятся к сфере педагогики. Однако, судя по самому предмету рецензирования (затрагиваемому в отзыве Гоголя), между книгами и рецензией имеется существенная разница. Рецензия открывается словами, что издание «ошибкою» попало «в книги литературы»; отзыв посвящен общим проблемам образования. Напротив, «Картины мира...» и «Руководство к сокращенному познанию всех наук...» — это издания частного, прикладного характера и, к тому же, несмотря на специфику, обладают определенными литературными достоинствами. Общие вопросы педагогики в них никак не обсуждаются и не предполагаются. Предметное, конкретное содержание ученических пособий само по себе в рецензии Гоголя тоже ничем себя не проявляет. Из конкретного материала, который мог бы быть соотнесен с гоголевским отзывом, и в «Картинах мира...», и в «Руководстве к сокращенному познанию всех наук...» ничего нет.

Поскольку книги, которые наметили в качестве вероятного предмета гоголевской рецензии В.И. Шенрок и Б.В. Томашевский, представляют в настоящее время библиографическую редкость, уделим каждой из них чуть большее внимание.

«Картины мира...» состоят из 29-ти переводных и оригинальных занимательных очерков для детей среднего и старшего возраста. Е.И. Ольдекоп ставил перед собой цель «доставить молодым людям обоего пола приятные, занимательные и полезные чтения» [Ольдекоп, 1834, с. V]. Подчеркивая увлекательный характер своей книги, он сообщал, что помещает в ней «все то, что может возбудить в читателях наших любопытство, и то, что может быть для них приятно и полезно» [Ольдекоп, 1836, с. III–IV]. Уже это предисловие — да и само заглавие книги — «Картины мира, или Полезное и приятное чтение для юношества» — не соответствуют упомянутому определению рецензируемого издания Гоголем: «Заглавие этой книги показывает, что она ошибкою попала в книги литературы» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 203]. В большинстве своем статьи в книге образные и занимательные: «I. Успенский Собор в Печерской Лавре»; «II. Бебе и Брославский. Два отличные карлика»; «III. Павел Моккия»; «IV. Волк»; «V. Удачная хитрость»; «Сахара, или Большая пустыня

Африканская»; «VI. Змей-великан Абома»; «VII. Противуестественное обжорство»; и др. Две статьи «XXIII. Первый разговор наставника с его учениками» [Ольдекоп, 1836, с. 51–55] и «XXVI. Второй разговор наставника с его учениками» [Ольдекоп, 1836, с. 57–60], являются, по указанию Ольдекопа, извлечениями из «полезной и занимательной книги: *der Naturfreund* (Друг природы), изданной в Риге тамошним учителем Г. Мюллером» [Ольдекоп, 1836, с. III–IV]. (Имеется в виду издание учителя Рижского начального училища Св. Якова, географа Фердинанда Генриха Мюллера (1805–1886): [Müller, 1834]) В «Картинах мира...» есть даже полноценное художественное произведение: «XXII. Человек в сером кафтане. Повесть» [Ольдекоп, 1836, с. 45–51].)

Анонимное «Руководство к сокращенному познанию всех наук, искусств и художеств...» — книга хоть и менее увлекательная, но тоже не без литературных достоинств. Она в свою очередь представляет собой набор кратких, адаптированных для детского восприятия текстов — «педагогических» диалогов, самого разного содержания (диалоги близки к упомянутым «разговорам наставника с его учениками» в книге Ольдекопа). Всего в «Руководстве к сокращенному познанию всех наук...» 141 статья. Начинается издание с диалогов «Вера», «Науки и Искусства», «Богословия» (так!), «Философия», включает вопросы о «Ветре», «Дожде», «Тумане», о разных странах мира, чудесах света, персонажах мифологии; есть диалоги (начального уровня) «Грамматика», «Поэзия», «Риторика». «Языки», «Танцеванье», «Торговля», «История», «География» и др.; заканчивается издание «Троянской войной» и «Геральдикой». В книге есть тоже даже небольшие рассказы⁷. Говорить о том, что это издание «нелитературно», так же несправедливо, как и в отношении «Картин мира...» Е.И. Ольдекопа. Сама диалогическая форма изложения уже включает в себе элемент художественности⁸.

⁷ «Американцы сначала, видя читающего книгу, полагали, что бумага говорит. Рассказывают, что один Индейский невольник был послан господином своим отнести к знакомому письмо и корзинку с винными ягодами. Дорогою съел несколько ягод <...> Знакомый, прочитав письмо <...>, стал обвинять невольника, что он съел недостающее число <...> Индеец <...> после того <...> опять был послан с тем же поручением <...> Дорогою он опять съел часть ягод, <...> однако же с предосторожностью <...> спрятал письмо под большой камень, будучи уверен, что оно не увидит, как он станет есть <...> ягоды <...>» [Руководство, 1836, с. 49–50].

⁸ «Скажите мне, что есть ветер?» — «Ничто иное, как воздух, колеблемый тонкими и резкими парами <...>» [Руководство, 1836, с. 12]; «Расскажите мне,

2. Жанр рецензируемой книги

Словом, литературный, в большей или меньшей степени, характер обоих детских изданий мало отвечает определению Гоголя, что рецензируемая книга «ошибкою попала в книги литературы» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 203].

Характеризуя журнальный библиографический список «Современника» в целом, следует добавить, что к гоголевскому определению «нелитературного» издания здесь в гораздо большей степени, чем «Картины мира...» и «Руководство к сокращенному познанию всех наук...», подходит еще более полутора десятков книг⁹. Из этих книг наибольшее внимание привлекает, в связи с гоголевской рецензией, лишь одна, которая, как представляется, и послужила на деле предметом гоголевского рецензирования. «Заглавие этой книги» действительно «показывает, что она ошибкою попала в книги литературы». Это «Руководство к педагогике, или Науке воспитания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским, Инспектором классов С.П. бургского Воспитательного Дома» [Нимейер, Ободовский, 1835, с. 307–308]. В отличие от литературно обработанных очерков популярных книг для юношества, «Руководство...» А.Г. Ободовского представляет собой издание принципиально иного характера: оно написано в тяжеловесном, малоизящном стиле научных трактатов того времени, языком вполне «нелитературным»:

что такое падающие звезды?» — «Падающие звезды ничто иное, как маленькие облачка, заключающие в себе горючие испарения <...>» [Руководство, 1836, с. 22]; «Французский язык нужен всему свету, потому что нет ни одной страны во всей Европе, где бы не говорили им, а особенно в высшем кругу, не говоря уже о множестве прекрасных сочинений, писанных на этом языке» [Руководство, 1836, с. 45–46]; «Поэзия есть искусство говорить языком страстей, то есть изображать и выражать мысли таким образом, чтобы тронуть сердце и душу» [Руководство, 1836, с. 41].

⁹ В это число входят следующие издания (исключая те, на которые рецензии были написаны): «Политические речи Исократы...»; «История военных действий в Азиатской Турции...»; «История крестовых походов...»; «Латинская Грамматика...»; «Начальные правила Греческой Грамматики...»; «Разбор статьи, помещенной в Сыне Отечества на 1835 год в №№ 37, 38 и 39, о мнениях касательно Руси»; «Руководство к Педагогике, или науке воспитания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским...»; «Опытной помещик, или вернейший руководитель господ владельцев к увеличению доходов...»; «Алгебра»; «Ручная Математическая Энциклопедия...»; «Физика в приложении к Зодчеству...»; «Теория Бал<л>истики...»; «Начальные сведения в Практической музыке...»; «Покотилова метода, или учение без складов...»; «Общая Терапия...» [Новые книги, 1836, с. 305–318].

Природа наделила каждого человека особенными способностями, ему, как наделимому, свойственными, кроме тех, по коим он, вместе с прочими сочеловеками, отличается от всех других существ [Нимейер, Ободовский, 1835, с. 15].

Иначе как неуклюжим перевод этого фрагмента, с которого начинается в книге изложение «Основных и предварительных понятий о педагогике», назвать нельзя. В источнике:

Der Mensch tritt mit körperlichen und geistigen Anlagen, und mit einer Fähigkeit, immer vollkommener zu werden (Perfektibilität), welche ihn wesentlich von dem Thiere unterscheidet, auf den Schauplatz des Lebens [Niemeyer, 1796, S. 117]; [Niemeyer, 1799, S. 94]. (Человек вступает на арену жизни, обладая физическими и умственными способностями и способностью становиться все более совершенным (способностью к совершенствованию), что существенно отличает его от животных; нем.).

Даже те фразы, которые в книге принадлежат, по-видимому, самому Ободовскому, выглядят как прямая калька с немецкого:

Человек совершеннее выполняет свое назначение, если он будет пользоваться воспитанием и наставлением, ибо чрез то увеличивает и внутреннее его совершенство и практическая его годность [Нимейер, Ободовский, 1835, с. 2]. — Это буквальный перенос в русский язык немецкой конструкции: «Der Mensch erfüllt seine Bestimmung vollkommener, wenn er Bildung und Unterricht anwendet, denn dadurch nimmt sowohl seine innere Vollkommenheit als auch seine praktische Eignung zu»¹⁰.

¹⁰ В источнике соответствующий фрагмент выглядит следующим образом (сначала приводится перевод с немецкого, далее — текст оригинала): «Педагоги описывают образование <...> как воспитание человечества для счастья, <...> как содействие максимально возможному совершенству природы и всех ее сил, <...> как стремление обеспечить им наивысшую общественную полезность. <...> Некоторые <...> педагоги <...> определяли сущность образования как развитие всех способностей в направлении к конечной цели — морально-практической рациональной эффективности» («Die <...> Pädagogiker beschreiben die Erziehung, <...> als Bildung des Menschen zur Glückseligkeit, <...> als Beförderung der möglichst grössten Vollkommenheit der Natur und aller ihrer Kräfte, <...> als Bestreben, ihnen die höchfle gefellchaftliche Brauchbarkeit zu verfchaffen. <...> Setzten mehrere <...>

Издания разнятся не только по стилю, но и по самому содержанию. Если «Картины мира...» и «Руководство к сокращенному познанию...» более или менее увлекательно излагают для детей начальные сведения, то труд Ободовского освещает общие, далекие — «отстраненные», как увидим далее¹¹, самим автором от художественной словесности проблемы воспитания и образования. В этом, в отличие от книг для детей, книга Ободовского обнаруживает гораздо большую близость к гоголевской «педагогической» рецензии — в которой тоже обсуждаются исключительно общие вопросы воспитания. Другими словами, «Картины мира...» и «Руководство к сокращенному познанию...» в жанр «не-литературы» записать можно лишь с большой натяжкой, тогда как педагогический учебник Ободовского туда относится в полной мере.

3. Стиль и содержание издания

Дополнительным аргументом в пользу принадлежности гоголевской рецензии к «Руководству...» Ободовского служит то, что это издание, несмотря на определенные недостатки, все-таки представляет собой, сравнительно с детскими изданиями, книгу гораздо более важную — более «достойную» гоголевского рецензирования. Писать обзоры на детские книги Гоголь не избегал, но тогда и рецензия была соответствующей. Например, на повесть для детей Л.А. Ярцовой «Первый день Светлого Праздника» [Ярцова, 1836] Гоголь отозвался: «Не много есть детских книг, написанных таким чистым и приятным слогом» [Новые книги, 1836, с. 317]; [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 498]. Но в атрибутируемой рецензии речь идет о совсем иных вещах — не тех, которым посвящены «Картины мира...» и «Руководство к сокращенному познанию всех наук...»

Важность книги ученого и литератора Александра Григорьевича Ободовского (1796–1852) пред детскими изданиями очевидна во всем; разница проявляется как в самом предмете труда, в сравнении содержания этих сочинений, так и в исторической перспективе. «Картины мира...» и «Руководство к <...> познанию всех наук...» дав-

Pädagogiker <...> das Wefen der Eiziehung, in des Entwicklung aller Kräfte zum Endzweck der moralisch praktischen Vernunftwürksamkeit» [Niemeyer, 1796, S. 123]; [Niemeyer, 1799, S. 98–99]).

¹¹ См. раздел 6-й наст. статьи.

но забыты, а отмеченное в пушкинском журнале пособие А.Г. Ободовского прочно вошло в историю российской педагогической науки. Это самый первый среди отечественных изданий учебник по педагогике¹².

В «Современнике», в списке «Новые книги», А.Г. Ободовский отмечен даже дважды. Кроме педагогических сочинений, он был составителем многочисленных учебников по географии и астрономии. Из астрономических пособий Ободовского в журнале рецензировался его «Атлас к космографии...» [Ободовский, 1836] — приложение к вышедшим двумя годами ранее «Начальным основаниям космографии...» [Ободовский, 1834]. При этом характерно, что рецензию на «Атлас к космографии...» тоже написал Гоголь — и она была напечатана в «Современнике». Эта рецензия состоит, впрочем, из одной фразы: «Атлас этот принадлежит к вышедшей за два года пред сим космографии г. Ободовского» [Новые книги, 1836, с. 311]. Однако это не умаляет значения книги. В черновике Гоголь отзывался об изданиях Ободовского более подробно:

Два года назад вышла космография Ободовского, сочинение, могущее подать [первые <...>] довольно удовлетворительные сведения для учащихся, особливо у нас, [потому что в этом роде сочинений у нас нет] <...> вовсе [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 659].

Как явствует из самого заглавия труда Ободовского — «Руководство к педагогике, или Науке воспитания, составленного по Нимейеру...», его труд является сокращенным переводом работы немецкого педагога, литератора и теолога Августа Германа Нимейера (1754–1828) «Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Erzieher» (Основы воспитания и обучения для родителей, домашних учителей и педагогов; нем.) [Niemeyer, 1796]; [Niemeyer, 1799] (на немецком языке книга выдержала, с 1796 по 1827 г. восемь изданий). О переводном характере своего труда сам автор сообщает также в предисловии: «Система воспитания, излагаемая в сей книге, есть, по большей части, сокращение славного Нимейерова сочинения: Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts» [Нимейер, Ободовский, 1835, с. III].

¹² См.: [Толль, 1862, с. 223–224]; [Каптерев, 1914, с. 213]; [Коровин, 2007, с. 89–94]; [Джуринский, 2010, с. 71]; [Рындак, Аллагаулов, 2010, с. 269–272, 280–283].

Отдельную проблему составляет год издания книги Ободовского. Впервые его переложение труда А.Г. Нимейера было напечатано в Петербурге не в 1836, а в 1835 г. (цензурное разрешение книги 29 февраля 1832 г.) [Нимейер, Ободовский, 1835]. Но в библиографическом перечне «Современника» издание представлено с указанием 1836 г. выпуска: «Руководство к Педагогике, или науке воспитания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским, Инспектором классов С.П. бургского Воспитательного Дома. СПб. в тип. Вингебера, 1836, в 8, 352 стр.» [Новые книги, 1836, с. 307–308]. Есть, однако, вполне достаточные основания полагать, что в списке «Современника» было отражено именно издание книги 1835 г. (а не 1836-го, как обозначено в журнале). Издание «Руководства к педагогике...» А.Г. Ободовского 1836 г. в библиотечных фондах Москвы и Санкт-Петербурга не обнаружено, тогда как указанное в библиографическом перечне «Современника» число страниц в книге («352») точно соответствует типографскому браку в издании 1835 г. Это издание реально состоит не из 352-х страниц, а из 236-ти, а появление здесь цифры 352 объясняется тем, что оборот листа, лицевую сторону которого составляет страница 233, ошибочно пронумерован здесь именно как «352» (т. е. после с. 233 следует ошибочная нумерация «352») [Нимейер, Ободовский, 1835, с. 234]. Эта неверная цифра, очевидно, и попала в библиографическое описание журнала: «352 стр.»¹³.

Следующим, после издания 1835 г., трудом Ободовского стало продолжение перевода труда Нимейера — его же «Руководство к дидактике, или Науке преподавания, составленное по Нимейеру...», которое увидело свет в 1837 г. [Нимейер, Ободовский, 1837]. Эта книга не является переизданием «Руководства к педагогике...», но, будучи продолжением компилятивных переложений трудов Нимейера, касается новых проблем; в ней рассматриваются конкретные методы преподавания разных дисциплин. Количество страниц в издании 1837 г., сравнительно с книгой 1835 г., тоже разнится. Если, как указывалось, в «Руководстве к педагогике...» 236 страниц, то в «Руководстве к дидактике...» — 166.

¹³ Две страницы, которые следуют после мнимой 352-й страницы (реально 234-й), в издании не пронумерованы, т. е. типографской пагинации не имеют (на них находится «Оглавление» книги). Поэтому с общим числом страниц, обозначенных в журнале, они суммированы не были.

В 1862 г. Ф.Г. Толль, выпускник Главного педагогического института (1844 г.) (известен не только как петрашевец, но и как педагог и специалист по пропедевтике), писал, что А.Г. Ободовский «в 1835 г. издал книгу “Руководство к педагогике, или науке воспитания, составленной по Нимейеру...”», а «через два года после того появилось его же “Руководство к дидактике, или науке преподавания, составленное по Нимейеру...”» [Толль, 1862, с. 223]. Об издании 1836 г. Ф.Г. Толль тоже не упоминал.

Научный уровень и язык обоих «Руководств...» Ободовского Ф.Г. Толль в своем педагогическом обзоре оценивал невысоко:

Как в той, так и в другой из этих довольно жиденьких книжек, система Нимейера, и без того не отличающаяся строго органической связью частей, представлена в крайне сокращенном и отрывочном виде. Переводчик очень мало прибавил и изменил в подлиннике, но многое выбросил, что хоть и не столь существенно, однако необходимо для полного уразумения частей. Оттого книга Ободовского получила форму крайне сухого, безжизненного учебника, который никак не мог содействовать развитию в нашей публике любви к педагогике. <...> Статейка <в книге>, озаглавленная «Воспитание в России», хотя принадлежит самому переводчику, однако также до того коротка, что могла бы быть, без ущерба дела, выброшена. Впрочем отдел педагогики «О нравственном воспитании», который переводчик почитал более существенным, он обработал несколько пространнее. Дидактика А. Ободовского также должна быть признана не более, как весьма несовершенным остовом Нимейеровой дидактики, которая, и сама по себе, во многих отношениях уже устарела для нашего времени. Несмотря на то, руководство Ободовского, как единственный полный курс педагогики, в обширном смысле, на русском языке, должно быть поставлено в немаловажную заслугу покойному профессору. Конечно, наши читатели не станут читать этой книги, отличающейся тяжелым языком, краткостью и сухостью изложения, некоторою бессвязностью целого. Но <...> есть ли у нас руководства к науке рационального воспитания в обширном смысле? [Толль, 1862, с. 223–224].

«Довольно тощими» называл учебники А.Г. Ободовского и психолог-педагог П.Ф. Каптерев в 1914 г. [Каптерев, 1914, с. 213].

4. Духовные проблемы схоластики

По всей видимости, отмеченные представителями педагогики второй половины XIX — начала XX в., Ф.Г. Толлем и П.Ф. Каптеревым, недостатки переводного издания А.Г. Ободовского ранее обратили на себя внимание и Гоголя. Критику со стороны Гоголя «Руководство к педагогике...» вызвало прежде всего за тяжелый, отвлеченно-схоластический стиль изложения материала. Рецензируя книгу, Гоголь придал своей критической оценке особое, специфическое выражение — всегда характерную для него духовно-нравственную направленность. Начиная с 1830-х гг. одним из постоянных предметов обличения писателя была именно книжная схоластика, подменяющая собой, по Гоголю, церковные и гражданские законы тщетной «философией», составленной «по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христе» (Кол. 2: 8) (см.: [Виноградов, 2016, с. 226–233]; [Виноградов, 2024, с. 686–696]). Обличая схоластику, Гоголь затрагивал две тесно связанные с этим явлением — и с друг другом — общественные «язвы» — с одной стороны, ставил вопрос о бесплодном отвлеченном философствовании, с другой — проблему заурядного бытового распутства читателей подобной литературы:

<...> те, которые читали питательные книги, делали под рукою такие шашни и проказы, которые теперь бы слишком бросились всем в глаза [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 203–204].

Эти две взаимосвязанные стороны проблемы Гоголь в те же годы поднимал в целом ряде своих произведений. Многочисленные критические замечания в адрес философского «схоластизма», в частности, содержится в его ранних исторических сочинениях: в набросках «Александр <Македонский>» (1832–1833); «Новоплатонические Александрийцы» (1833–1834); в статьях «О преподавании всеобщей истории» (1833–1834); «Ал-Мамун» (1834); в первой редакции повести «Тарас Бульба» (1834); в лекции «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования...» (1834) и др.

В лекции, посвященной падению Рима, Гоголь, к примеру, писал: «Философия лишилась практического применения к жизни, обременилась терминами, сухими изложениями и осталась в шко-

лах» [Гоголь, 2009–2010, т. 8, с. 142]. Говоря о космополитических преобразованиях Александра Македонского, он указывал: «Пламенная религиозность исчезла. Вместо ее одни суеверия, шаткая философия, начало схоластизма» [Виноградов, 2024, с. 678].

В «Тарасе Бульбе» Гоголь представил также художественный анализ проблемы, изобразив здесь неглубокое схоластическое образование будущего предателя родины Андрия, прошедшего формальную выучку в школе своего времени. Критическая оценка «схоластических познаний» в «Тарасе Бульбе» [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 197], которыми снабжали учащихся того бранного, «удалого века» «тогдашние ученые» (ученые, которые, по словам Гоголя, «более других были невежды» [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 197]), подразумевает вполне конкретные реалии украинского прошлого и связана с известным влиянием в духовных училищах Южной России в XVI–XVII вв. католической «школьной» схоластики. Рассеянный, мечтательный бурсак Андрий Бульба («близнец» такого же беспутного и рассеянного воспитанника южно-русской школы бурсака Хомы Брута в «Вии») предается во время бесплодных философских диспутов мечтам о женщине:

<...> эти схоластические, грамматические, риторические и логические тонкости решительно не прикасались к времени, никогда не применялись и не повторялись в жизни. Ни к чему не могли привязать они своих познаний, хотя бы даже менее схоластических. <...> Женщина чаще стала представляться горячим мечтам его. Он, слушая философические диспуты, видел ее поминутно <...> [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 197, 199].

(Подобно Андрию, о другом не менее «увлекательном» занятии, сравнительно с скучной «наукой», «знает» герой гоголевских «Игроков» (1832–1842): «Еще в школе во время профессорских лекций я уже под скамьей держал банк моим товарищам» [Гоголь, 2009–2010, т. 3/4, с. 377].)

В качестве «комментария» к образам воспитанников схоластического образования, подверженных порокам и соблазнам, Гоголь в статье «О преподавании всеобщей истории» писал о личной ответственности учителя за воспитание подопечных — которое бывает порой неудовлетворительным именно из-за слога преподавательских лекций. Как и рецензия на книгу Ободовского

по педагогике, гоголевская статья с обличением неумелых педагогов (которая первоначально носила название «План преподавания всеобщей истории») тоже была написана в период тесного общения с Пушкиным. Статья создавалась с той целью, чтобы представить ее С.С. Уварову в качестве *profession de foi* для занятия Гоголем должности университетского профессора. Пушкин, который был тогда еще в дружбе с министром, и рекомендовал Гоголя Уварову [Виноградов, 2017–2018, т. 2, с. 302]¹⁴.

В своем «Плане...» Гоголь, обличая преподавание, не способное увлечь юного слушателя, непосредственно затрагивал вопросы, которым два года спустя посвятил заметку на учебник А.Г. Ободовского:

Теперь об образе преподавания. Слог профессора должен быть увлекательный, огненный. <...> Если хоть один из них может предаться во время лекции посторонним мыслям, то вся вина падает на профессора <...>. Нельзя вообразить, <...> какое вредное влияние происходит от того, если слог профессора вял, сух <...> облечен школьною методою, схоластическими мертвыми правилами <...>. Тогда даже справедливые замечания возбуждают внутренний смех и желание действовать и умствовать наперекор; тогда самые священные слова в устах его, как-то, преданность к Религии и привязанность к Отечеству и Государю, превращаются для них (для слушателей. — И.В.) в мнения ничтожные. Какие из этого бывают ужасные следствия, это видим к сожалению нередко [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 274–275].

Соответствующий «схолацизм» псевдо-«питательных» сочинений — и последующее недостойное поведение читателей — Гоголь обличал в незаглавленной рецензии неоднократно:

¹⁴ 23 декабря 1833 г. Гоголь писал Пушкину: «Я решился <...> вместо словесных представлений набросать мои мысли и план преподавания на бумагу. Если бы Уваров был из тех, каких немало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли» [Гоголь, 2009–2010, т. 10, с. 233–234]. Пушкин в разгар хлопот Гоголя по определению на университетскую кафедру, отвечал ему на несохранившееся письмо: «Вы правы — я постараюсь» [Гоголь, 2009–2010, т. 10, с. 250]. В еще одном письме к Пушкину Гоголь в 1834 г. в связи с визитом поэта к Уварову вновь обсуждал вопрос о своем поступлении в университет [Гоголь, 2009–2010, т. 10, с. 257]. (Прошение об определении в Петербургский университет он подал 8–10 июня 1834 г. Прошение было удовлетворено 19 июля 1834 г. [Виноградов, 2017–2018, т. 2, с. 329–331].)

За несколько лет пред сим на Руси, так же как и в Европе, заметна была вообще охота к чтениям нравственным, являвшимся в виде длинных рассуждений и трактатов. Читатели требовали назидательных, питательных сочинений. Психологические сочинения, печатавшиеся в целых огромных томах, имели значительный перевес над всем прочим. <...> У нас в России в это время вышло чрезвычайно<е> множество подобных книг. <...> Все старики тогда читали душеспасительные книги, вся молодежь, напротив, читала Фоблазов и других, и при внимательном рассмотрении оказывалось даже, что едва ли старики не обгоняли молодежь в своих домашних делах [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 203–204]¹⁵.

Связь псевдодуховной схоластики и предосудительного поведения Гоголь осмыслял в свете апостольского послания, обращения святого апостола Павла к Римлянам. — Поскольку те, познав Бога, отступили от Него — «осутились умствованиями своими», — то Бог «предал их», по словам апостола, «похотям <...> сердец» их, «страстям постыдным» и «непотребствам»:

Занеже разумевше Бога, <...> но осуетишася помышлении своими, <...> тем же и предаде их Бог в похотех сердец их в нечистоту, во еже сквернитися телесем их в себе самех. Иже премениша истину Божию во лжу, <...> сего ради предаде их Бог в страсти бесчестия <...>. И якоже не искусиша имети Бога в разуме, предаде их Бог <...> творити неподобная (Рим. 1:21, 24, 26, 28).

¹⁵ Урок о бесполезности мудрствования без практического духовного возрастания Гоголь мог почерпнуть также в житиях святых (с которыми был основательно знаком еще со времени пребывания в родительском доме [Виноградов, 2024, т. 1, с. 133; т. 6, с. 166]), в частности, в житии преподобного Досифея Палестинского, ученика преподобного аввы Дорофея: «Отец же Дорофей не хотяше, дабы он в писаниях упражнялся, но да паче смирением сохраняется. <...> Егда же убо иде Досифей ко игумену, и вопроси его, нача игумен бити его, глаголя: почто не молчиши?.. <...> ты ли <...> вопрошати дерзашеши? не печешися ли о нечистоте твоей <...>» [Димитрий Ростовский, 1764, л. 532 об.]. Показателен также пример из жития святителя Тихона Задонского, первые два тома сочинений которого Гоголь позднее, около 11 марта (н. ст.) 1845 г., отправил графу А.П. Толстому [Гоголь, 2009–2010, т. 13, с. 74; 7, т. 5, с. 43]: «Вдруг подбежал к нему юродивый, окруженный детьми, и ударил его по щеке, сказав на ухо: “не высокоумь!”» [Тихон Задонский, 1844, с. 23–24]. См. также: [Виноградов, 2024, с. 184].

Перечитывая в 1843–1844 г. Библию, Гоголь против этих слов помечал:

Извращение понятий о Боге предало человеков в плен похотей
<...> <за то,> что не искусили Бога в разуме, Бог предал их порокам
[Гоголь, 2009–2010, т. 9, с. 150].

В 1835 г. Гоголь в соответствии с наблюдением о связи между отвлеченными мудрованиями и соблазнительным образом жизни (см. также: 2 Пет. 2: 18) вывел в «Ревизоре» образ судьи Ляпкина-Тяпкина — ревностного читателя оккультной литературы и, попутно, не менее страстного почитателя жены Добчинского¹⁶. Собакевич в одной из глав «Мертвых душ», оставленной Гоголем в черновиках, по поводу губернского прокурора тоже рассуждает:

Вот тебе, душа моя, в глазах пример. Какой старой человек, уж и волос седой в голове, а я знаю, что он до сих пор по чужим женам ходит. У них уж обычай у всех; собаки все [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 505].

Такие же черты демонстрирует европейски «просвещенный» полковник Кошкарёв во втором томе поэмы¹⁷. Огромное «книгохра-

¹⁶ «<...> Как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он <...> уж <...> сидит у жены его <...> посмотрите на детей <...> Добчинского, <...> все <...> как вылитый судья» [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 426]. Еще один похожий судья — главный представитель уездного светского общества — дважды упоминается Гоголем в «Коляске»: «<...> общество <...> состояло <...> из судьи, жившего в одном доме с какою-то диаконицею»; «<...> судья с своею диаконицею <...>» [Гоголь, 2009–2010, т. 3/4, с. 147]. К этому же ряду относятся еще несколько гоголевских героев: «неподкупный земский суд, подходящий к закуске» в седьмой главе «Мертвых душ» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 131]; сластолюбивый судья в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»; «блудливый, как кошка» заседатель земской полиции Дробяжкин в девятой главе поэмы [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 187–188]. Отдаленным прототипом всех этих «судей» — должностных лиц, обязанных следить за порядком, но являющих предосудительное поведение, — Гоголю, вероятно, послужили образы библейской истории, а именно, повествование в Книге пророка Даниила о библейских «старцах-судиях», соблазнившихся женской красотой и оклеветавших св. праведную Сусанну (Дан. 13). Этот же библейский рассказ является, по-видимому, и источником для характеристики Гоголем в рецензии на книгу А.Г. Ободовского псевдобогомольных «стариков» с их домашними «шашнями и проказами».

¹⁷ Работа над вторым томом поэмы была начата уже в 1839 г. [Виноградов, 2017–2018, т. 3, с. 130].

нилище» этого героя — «более сластолюбивого, чем боголюбивого» (2Тим.3:4) — заполнено сплошь заумными книгами по философии¹⁸ — но скрывает и целый шкаф изданий «с нескромными мифологическими картинками» — которые нравятся «старичкам, изощрившим вкус на балетах»¹⁹ [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 304].

В одной из «педагогических» статей позднейших «Выбранных мест из переписки с друзьями» — «Христианин идет вперед» (1846) — Гоголь, говоря о необходимости подлинно духовного воспитания, о важности для христианина считать себя всегда «учеником» («Для христианина нет оконченного курса <...>» [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 53]), подчеркивал, что «отвлеченными чтениями» «только слишком немного» заставишь свой «ум <...> уйти вперед»: «Он несравненно в большей зависимости находится от душевных состояний: как только забушует страсть, он уже вдруг поступает слепо и глупо <...>» [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 54–55].

5. «Пушкинское» в рецензии для журнала Пушкина

Неизменной критике подвергался со стороны Гоголя и сам жанр научной схоластики, которая, как и тяжелый язык, была в полной мере присуща «Руководству...» А.Г. Ободовского. Задумав в 1846 г. собственное популярное «педагогическое» издание — «Учебную книгу словесности для русского юношества», Гоголь писал:

Ученые рассуждения и трактаты должны быть коротки и ясны <...>. Терминов нужно держаться только тех, которые принадлежат миру той науки, о которой дело, а не общих философских, в которых <мысль> блуждает, как в лабиринте, и отдаляется от дела [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 342].

¹⁸ «Тут были <...> “Философия, в смысле науки”; шесть томов в ряд под названием: “Предуготовительное вступление к теории мышления в их общности, совокупности, сущности и во применении к уразумению органических начал обоюдного раздвоения общественной производительности” <...>, на всякой странице — проявление, развитие, абстракт, замкнутость и сомкнутость <...>» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 304].

¹⁹ «Такого рода картинки нравятся холостякам средних <лет>, а иногда и тем старикашкам, которые подзадоривают себя балетами и прочими прелестями» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 426].

В статье «О науке» (предполагавшейся в качестве одной из глав «Учебной книги словесности...») он пояснял:

Нам не нужно то постепенное, медленное развитие мыслей, <...> без которого немец не ступит шага <...>. У нас <...> всякий скучает, <...> когда ему <...> толкуют то, что он и сам уже смекнул <...>. Отсюда неуспех всякого изложения науки ходом немецкой философии. Проследи лучше наш ученый сам в себе науку, прежде чем стал ее проповедать <...>. И нечего уже тогда плестись <...>. Смело поступи, как наш сказочный конь: мелкие кусты и травник промеж ног пропускает [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 343–344].

В рецензии на перевод А.Г. Ободовского Гоголь тоже говорит о недостатках «длинных рассуждений и трактатов», породивших в XVIII и XIX вв. повсеместный «раздор теории с практикою» [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 494].

Назначенную в пушкинский «Современник» критику схоластического мышления Гоголь предпринял, следуя во многом самому Пушкину. В тот же период, в 1834–1836 гг., в одной из глав незавершенного очерка о А.Н. Радищеве Пушкин писал:

Философия Немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому [Пушкин, 1841, с. 18].

Пушкинский упрек москвичам-«любомудрам» уделять больше внимание не схоластическому философствованию, а «духу практическому», оказался понятен и близок его внимательным друзьям (в частности, князю П.А. Вяземскому²⁰). В числе тех, кто более других прислушался к голосу Пушкина, был и Гоголь. Пагубное, в ущерб

²⁰ Вяземский тоже критически оценивал московское гегельянство, которое, как известно, породило, с одной стороны, оппозиционное западничество, с другой — посеяло раздор в среде патриотически настроенных славянофилов — разделив их на непримиримых радикалов (Аксаковы, Киреевские, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин) и консерваторов-«охранителей» (М.П. Погодин, С.П. Шевырев). Имея в виду представителей радикального крыла славянофильства, Вяземский не без иронии замечал: «У иных по странному противоречию притязания на Русскую народность облакаются в зыбкие признаки туманной Немецкой философии, так что добрый Русак, не посвященный в таинства Гегелевского учения, и в толк не возьмет, как ему надлежит окончательно обрუსеть» [Вяземский, 1847, с. 418].

практике, засилье отвлеченных, в «огромных томах», сочинений (обличаемых в рецензии на труд Ободовского) Гоголь подчеркивал неоднократно:

<...> всё практическое, всё легкое, взятое из жизни, считалось пустым и недостойным. <...> В наш век почти общим сочувствием была признана необходимость воплощения всякой мысли практически [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 203–204].

Пушкин в 1836 г. в статье «Александр Радищев» (которую готовил к публикации в «Современнике», перерабатывая незавершенный очерк о Радищеве²¹) продолжил критику новейшей философии:

Им (А.Н. Радищеву и его приятелю Ф.В. Ушакову. — И.В.) попался в руки Гельвеций. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики. <...> Теперь было бы для нас непонятно, каким образом холодный и сухой Гельвеций мог сделаться любимцем молодых людей, пылких и чувствительных, если бы мы, по несчастью, не знали, как соблазнительны для развивающихся умов мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями. Нам уже слишком известна французская философия 18-го столетия <...>. Другие мысли, столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные, заменили мысли и мечты учеников Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменятся другими [Пушкин, 1937–1959, т. 13, с. 30–31].

Размышления Пушкина об отвлеченной западной схоластике, противоположной «закону и преданиям», встречаются не только в двух его статьях о Радищеве. Еще в 1820-х гг. Пушкин, характеризуя в «Евгении Онегине» одного из главных героев, Владимира Ленского, писал:

²¹ Статья была начата в феврале-марте 1836 г., закончена — 3 апреля 1836 г. [Долдобанов, Сидоров, 2016, с. 464].

Душой Филистер²² Геттингенский, / Красавец, в полном цвете лет, / Поклонник Канта и поэт. / Он из Германии туманной / Привез учености плоды: / Вольнолюбивые мечты <...> [Пушкин, 1826, с. 12].

В те же годы (2 марта 1827 г.) Пушкин писал барону А.А. Дельвигу:

Ты пеняешь мне за Моск<овский> Вестник — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я *ненавижу и презираю ее*; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое. Я говорю: Господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — всё это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... — Моск<овский> Вестн<ик> сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая? <...> А время вещь такая, которую с никаким Вестником не стану я терять (курсив мой. — И.В.) [Пушкин, 1937–1959, т. 13, с. 320].

Спустя два дня после того, как Пушкин отправил письмо к Дельвигу, М.П. Погодин 4 марта 1827 г. записал в дневнике:

К Пуш<кину> — декламировал против филос<офии>, а я не мог возражать дельно, и больше молчал, хотя очень уверен в нелепости им говоренного [Цявловский, 1914, с. 84].

В отличие от Погодина и других «любомудрствующих» современников, Гоголь и Вяземский прислушались к давней и принципиальной поэтической критике Пушкиным немецкой «метафизики» — согласившись с пушкинской оценкой. Призыву Пушкина последовать духу «более практическому» [Пушкин, 1841, с. 18] (см. выше) Гоголь последовал уже в 1830-х гг., в период тесного общения с поэтом. Позднее в обобщающей статье «Рассмотрение хода просвещения России» Гоголь, отмечая, вслед за Пушкиным, пагубный разрыв теории с практикой, еще раз писал:

Науки не делали своего дела <...> потому, что отвлеклись от жизни, набили головы множеством терминов, увлекли <...> в философию, стали решать на бумаге то, что совершенно иначе разрешалось

²² Philister — филистимлянин (*нем*); здесь — мещанин, обыватель.

в жизни, приучили к строенью воздушных замков и сделали людей неспособными к практи<ческому> делу <...> [Гоголь, 2009–2010, т. 9, с. 714].

Прямо с пушкинскими размышлениями связана и другая сторона гоголевского обличения схоластики — размышления о неизбежном распутстве, сопровождающем отвлеченное мышление. В рецензии на «Руководство...» Ободовского, для пушкинского журнала, Гоголь замечал:

<...> нравственность этого века была не очень чиста <...> в одно время с таким множеством нравственных сочинений появлялись такие безнравственные, что теперь даже отважнейшие из французских писателей посовестились бы написать [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 203–204].

Опять-таки в «Евгении Онегине» Пушкин, говоря о «науке страсти нежной» (которой был предан его главный герой — пресыщенный светский денди), подчеркивал:

Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей, / И тем ее вернее губим <...>. Разврат бывало хладнокровной / Наукой славился любовной <...> Но эта важная забава / Достойна старых обезьян / Хваленых дедовских времен <...> [Пушкин, 1828, с. 11–12].

Нелицеприятная оценка любовной «науки» тоже была для Пушкина отнюдь не новой. Поэт высказывал ее еще в 1822 г. в письме к брату, семнадцати лет (потом, почти без изменений, Пушкин перенес эту оценку в поэму):

Я хотел бы предостеречь тебя <...>. То, что я могу сказать <...> о женщинах, <...> совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия [Пушкин, 1937–1959, т. 13, с. 524].

Подобный тип холодного обольстителя — родственного «старой обезьяне XVIII столетия» — Пушкин и изобразил в 1825 г. в образе Евгения Онегина:

Как рано мог он лицемерить, <...> Разуверять, заставить верить, /
Казаться мрачным, <...> равнодушным [Пушкин, 1825, с. 8–9].

В первой главе поэмы Пушкин одновременно подчеркнул принципиальную разницу между собой и его героем (что многочисленными читателями поэмы так и не было услышано — что продолжалось долгие и долгие годы):

Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной, /
Чтобы <...> какой-нибудь издатель / Замысловатой клеветы <...>
Не повторял потом безбожно, / Что намарал я свой портрет <...>²³
[Пушкин, 1825, с. 45].

Еще в 1822 г., размышляя о преждевременной старости молодого поколения, Пушкин о юном герое другого своего произведения — поэмы «Кавказский пленник» — тоже писал:

Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века (письмо к В.П. Горчакову) [Пушкин, 1937–1959, т. 13, с. 52].

В свою очередь Гоголь, следуя Пушкину в его «размежевании» с типами пресыщенного — «старческого» равнодушия, за два года перед выходом в свет «Современника» в статье «Несколько слов о Пушкине» (1834) замечал:

Под именем Пушкина рассеивалось множество самых нелепых стихов. Это обыкновенная участь таланта, пользующегося сильной известностью. <...> Таким образом, начали <...> Пушкину приписывать: «Лекарство от холеры», «Первую ночь» и тому подобные [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 275].

²³ Подразумевая тщетные попытки поэта отмежеваться мнения обывателей, Гоголь в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» позднее писал: «Он <Пушкин> *хотел было* изобразить в “Онегине” современного человека и разрешить какую-то современную задачу — и не мог. <...> Он бросил стихи <...> и написал “Капитанскую дочь” <...>. В *первый раз* выступили истинно русские характеры <...>» (курсив мой. — И.В.) [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 170–171].

В этом Гоголь, опять-таки, наследовал Пушкину. О непристойном анонимном стихотворении «Первая ночь» поэт в том же 1834 г. писал как о «скверных стихах, исполненных отвратительного похабства» — «которые публика благосклонно и милостиво» ему «приписывала» [Пушкин, 1937–1959, т. 12, с. 328]²⁴. Одного из изготовителей подобной «литературы» — С.А. Неелова (1779–1852) — Пушкин называл «певцом навоза» («le chantre de la merde»; *фр.*) (письмо к князю П.А. Вяземскому 1825 г. [Пушкин, 1937–1959, т. 13, с. 184]).

О модном увлечении «большого света» сочинениями западной мистики, при соблазнительной бытовой нравственности, Пушкин писал еще в 1819 г., в послании к князю А.М. Горчакову — «питомцу мод, большого света другу». В этом послании Пушкин высказывал удовлетворение, что не возвращается, подобно лицейскому товарищу, в круг «Лаис благочестивых» (т. е. великосветских гетер) и «мистики придворного кривлянья» [Пушкин, 1937–1959, т. 2, с. 104]. Весной 1836 г. Пушкин в упомянутой статье «Александр Радищев», характеризуя «людей, известных под именем картинистов», вновь указывал (как и Гоголь) на присущую им «странную смесь мистической набожности и философического вольнодумства» [Пушкин, 1937–1959, т. 12, с. 31–32].

Итак, в рецензии на «Руководство...» А.Г. Ободовского Гоголь лишь продолжил пушкинскую критику «стариков и богомольных тетешек» (о чем Гоголь писал ранее в упомянутой статье «Несколько слов о Пушкине» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 602]).

К характеристике лицемерного «большого света» Пушкин обратился еще раз в 1825 г. в «Евгении Онегине», опять указав на то, чем, наряду с западной мистикой, увлекалось тогдашнее, воспитанное на западной мистике общество. Вновь *обличая* распутство своего героя, Евгения Онегина, и подразумевая, опять-таки, «старых обезьян», последователей любовной «науки», Пушкин писал:

Но вы, блаженные мужья, / С ним оставались вы друзья. / Его ласкал супруг лукавый, / Фобласа давний ученик, / И недоверчивый старик, / И рогоносец величавый <...> [Пушкин, 1825, с. 11].

²⁴ См. подробнее: [Дубровский, 2008].

Под «Фобласом» Пушкин подразумевал героя фривольного романа французского писателя Ж.Б. Лувре де Кувре «Жизнь и любовь кавалера де Фобласа» («*La vie et les amours du chevalier de Faublas*») (1787–1790). (Русский перевод этого многотомного сочинения выдержал в конце XVIII — начале XIX в. несколько переизданий. В 1829 г. в неозаглавленном <Романе в письмах> Пушкин, вновь подразумевая распутных «старых обезьян», писал: «Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами. Это не достойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на *ci-devant* (бывшего; *фр.* — *И.В.*) гвардии хрипуна 1807 г.» [Пушкин, 1937–1959, т. 8, кн. 1, с. 54–55].)

И Гоголь, составляя в пушкинский журнал рецензию на книгу Ободовского, упоминал о Фобласе — т. е. вновь следовал Пушкину. Как уже отмечалось, Гоголь подчеркивал широкую популярность этого французского героя в тогдашнем свете. По гоголевским словам, «старики», казалось бы, читали исключительно «питательную» схоластику, а молодежь — «Фоблазов» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 204], но на деле оказывалось, что «в домашних делах» первые (а это немалочисленные герои Гоголя, в том числе, «просвещенные» схоластикой Кошкаревы, Ляпкины-Тяпкины и др.) молодых даже перегоняли.

Таким образом, давая в рецензии для пушкинского журнала одинаково негативную оценку взаимосвязанных явлений — схоластики и распутства, — Гоголь ориентировался непосредственно на самого поэта — продолжая, по пунктам (Кант, Фоблас, Лаисы), пушкинское обличение. Характеристику схоластического круга чтения и сомнительной репутации светского общества XVIII в., Гоголь, продолжая Пушкина, распространял на наступивший XIX в., указывая на похожую бесплодность схоластики для современных читателей:

В 19 столетии масонские и другие секты, отвлеченный мистицизм поддерживали существование подобных философских сочинений, рассуждений, увещаний и трактатов <...>. Они <...> были виною *малого* распространения охоты к чтению <...> (курсив мой. — *И.В.*) [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 204].

6. Педагогика и литература

В целом отношение Гоголя к современному ему отвлеченному философствованию было всегда если не критическим, то чрезвычайно сдержанным. Как художник, он, следуя Пушкину, предпочитал вести диалог с читателем в художественных образах, полагая, что «поэту более следует *углублять* самую истину, чем *препираться* об истине» [Гоголь, 2009–2010, т. 13, с. 85]. В «Петербургских записках 1836 года», предназначавшихся, первоначально, в пушкинский «Современник» (под другим заглавием — «Петербург и Москва (Из записок Дорожного)»), Гоголь иронически замечал: «В Москве все журналы <...> учены <...> говорят о Канте, Шеллинге и проч. и проч.» [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 513]. В этом он опять, с очевидностью, повторял упрек Пушкина в адрес москвичей, что «Философия Немецкая <...> нашла в Москве <...> слишком много <...> последователей» [Пушкин, 1841, с. 18] (см. выше). Сам Гоголь, бывая порой в гуще «диалектических» московских споров, в этих спорах никогда не участвовал, и на подобных вечерах откровенно скучал (см.: [Виноградов, 2017–2018, т. 3, с. 402, 437–438; т. 4, с. 12; т. 6, с. 284]). Неоднократно, в 1842 и 1844 г., Гоголь в письмах к москвичам Аксаковым критически отзывался о схоластической диссертации Константина Аксакова о Ломоносове, советуя тому лучше заняться словарем русского языка [Гоголь, 2009–2010, т. 12, с. 157–159, 544–548]. Поэт, по словам Гоголя в письме к Н.М. Языкову 1845 г., обладает «высшей силой слова», он передает «беспредельные пространства мыслей», «мысли слишком цельные», — тогда как аналитическое «разъятие <...> всего» относится, согласно его взглядам, определенно к низшему роду словесности [Гоголь, 2009–2010, т. 13, с. 86].

Из всех современных философов Гоголь чаще всего упоминал о Канте. К наследию немецкого мыслителя Гоголь тоже относился сухо. Это объяснялось, в числе прочего, по-видимому, тем, как в свое время идеи Канта преподносились воспитанникам Нежинской гимназии, где учился Гоголь. Известно, что здесь во второй половине 1820-х гг. расследовалось так называемое «дело о вольнодумстве». По этому политическому делу позднее «за вредное на юношество влияние» и «за дурное поведение», личным распоряжением императора, было осуждено четверо профессоров гимназии [Виноградов, 2017–2018, т. 1, с. 536]. Один из этих осужденных в 1830 г. преподавателей, младший профессор немецкой словесности Ф.И. Зингер,

знакомил своих слушателей с трактатом Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764). При этом профессор сообщал своим юным подопечным весьма критические высказывания немецкого философа в адрес предметов христианского почтения и христианской аскетики в целом. Повторяя Канта, Зингер говорил ученикам, что «частицы креста, носимые на шее, и самые мощи — суть глупость»²⁵ [Виноградов, 2017–2018, т. 1, с. 603]. Конечно, не случайно Гоголь в 1834 г. называл Канта «всесокрушающим» и добавлял: «Всегда действующие в оппозиционном духе слишком увлекаются своим положением и в энтузиастическом порыве держатся только одного правила: противоречить всему прежнему» («Шлецер, Миллер и Гердер» [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 320]).

Познакомившись в 1820-х гг. с протестантской критикой немецкого философа в адрес предметов христианского культа и почитания, Гоголь позднее писал:

Самые способные и самые даровитые из людей, перевалиясь за сорокалетний возраст, тупеют, устают и слабеют. Перебери всех философов и первейших всесветных гениев <...>. Вспомни о Канте, который в последние годы обеспамятел вовсе и умер, как ребенок. Но пересмотри жизнь всех святых: ты увидишь, что они крепили в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти («Христианин идет вперед») [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 54].

Имя Канта Гоголь упоминал, в соответствующем контексте, и в рецензии на книгу А.Г. Ободовского. Среди тех, чьи отвлеченные сочинения Гоголь считал причиной «мало́го распространения охоты к чтению» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 204] (см. выше), он называл здесь наиболее известных тогдашних немецких философов:

²⁵ Подразумевалось следующее рассуждение Канта в «Наблюдениях над чувством прекрасного и возвышенного»: «Отшельническая набожность древних пустынников была причудлива. Монастыри и другие подобного рода склепы для заточения в них живых святых — это *гримасы*. <...> Умерщвление плоти, обеты и другие монашеские добродетели суть *гримасы*. Мощи, священное дерево и всякого рода подобный хлам <...> — все это *гримасы*» [Кант, 1994, с. 95]. — В эту же эпоху набирал также популярность марксизм, унаследовавший, согласно известному определению, традиции немецкой философской мысли. В круге общения Гоголя были знакомые, лично общавшиеся с К. Марксом: П.В. Анненков, Г.М. Толстой [Виноградов, 2017–2018, т. 4, с. 517–520; т. 5, с. 296–299; т. 6, с. 47]. В те же годы соответствующие взгляды проповедовал в кругу друзей В.Г. Белинский.

Когда Кант, Шеллинг, Гегель, Окен <...> обрабатывали науку, <...> их мнения распространялись только в кругу небольшом их слушателей, понимавших трудный, немногословный, почти математический язык их [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 204].

Вскоре, по Гоголю, ущербность абстрактного изложения философских понятий была, наконец, осознана ближайшими последователями немецких мыслителей. Преемники Канта и Гегеля попытались, по словам Гоголя, исправить недостаток:

«<...> германские писатели, <...> среднего класса люди, большую частью довольно умные, но без орлиной мысли и таланта, <...> начали <...> эти идеи расплывать собственным мерилom понимания, <...> облекли <...> красноречивыми фразами, общеупотребительным языком, часто даже лирическим пылом души», — так что их сочинения стали распространяться «повсеместно между всем читающим кругом — и приученные мистицизмом читатели брались охотно за эти книги» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 204].

Языковая адаптация отвлеченных философских понятий к рядовому «читающему кругу» проблемы тем не менее, по Гоголю, не решила. Вероятно, одним из представителей «среднего класса людей, <...> довольно умных, но без орлиной мысли и таланта» — занимающихся популяризацией немецкой науки, — Гоголь и считал издателя «Руководства к педагогике...» по Нимейеру, составленного А.Г. Ободовским, а также самого Нимейера (приятеля И.В. фон Гете). Пафос гоголевской критики отчасти совпадает с тем, с каким оценивали позднее, десятилетия спустя, наследие обоих педагогов — немецкого и отечественного, Нимейера и Ободовского, — Ф.Г. Толль и П.Ф. Каптерев, — а отчасти даже превосходит, в определении принципиальных недостатков, позднейшие суждения.

Гоголевская оценка литературоцентрична. Подразумевая свой пятилетний педагогический опыт и насущную необходимость для педагога литературного образования (что самому Гоголю всегда помогало в преподавании), он излагает свое видение проблемы. Воспользовавшись книгой Ободовского, Гоголь, по сути, предпринял непосредственное изложение собственных взглядов.

(Для жанра рецензии воплощение такого широкого замысла, очевидно, представляло определенное затруднение. Вероятно, вследствие этого рецензия и осталась незаконченной.)

Ободовский, мало того, что следовал схоластическому стилю Нимейера, он еще и самой художественной литературе в воспитательной роли отказывал. Польза «басен и сказок» для детей представлялась ему сомнительной. По-видимому, вместе это и послужило причиной резко критических рассуждений Гоголя о бесплодной схоластике в неозаглавленной рецензии. От начала до конца рецензия проникнута целью подчеркнуть *исключительную* важность в сфере нравственного образования литературных произведений.

Гоголевская апология литературы — в противовес схоластическим методам воспитания, включает в себе не только критику общих отвлеченных положений Нимейера и Ободовского, но подразумевает, по-видимому, и конкретное, частное замечание в «Руководстве...» последнего:

Басни и сказки, особливо волшебные, доставляют неизъяснимое удовольствие детям; но должно ли читать им оныя? писатели несогласны о сем предмете. Нимейер одобряет употребление того и другого рода сочинений в воспитании, если только будет соблюдена надлежащая строгость при выборе; <Г.> Функ, <П.> Виллауме и <И.Г.> Кампе вовсе отвергают волшебные сказки, а <Ж.Ж.> Руссо даже и басни [Нимейер, Ободовский, 1835, с. 53].

Гоголь, полемизируя с Ободовским, называет началом, мерилom и образцом для всех писателей, стремящихся придать своим произведениям воспитующее значение, притчи Самого Спасителя. Отвлеченной схоластике он противопоставляет образное евангельское слово. В рецензии он пишет:

Живой пример сильнее рассуждения, и никогда мысль не кажется нам так высока, так поразительно высока, так оглушительна своим величием, как когда облечена она [видимой формой], когда разрешается пред нами живым, знакомым миром, когда она, можно сказать, читается духовными нашими глазами из целого создания поэта. Божественный Учитель и Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши святые божест<венные> мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов. Итак, мы,

сделавши такие великие тысящелетние обходы, наконец возвращаемся к той истине, которая была сказана еще в глубине младенческих сердец наших [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 204–205].

Обращаясь в 1836 г. к еще одной книге, которую рецензировал для «Современника», — к «Истории поэзии» С.П. Шевырева [Шевырев, 1836], — Гоголь в отзыве о книге Ободовского заключал:

И вот уже история показывает умам соединение с философией и образует великое здание. И вот уже везде, во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление осуществить, окрылить или доказать какую-нибудь мысль, и только посредственность бывает виною, что изысканная, неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 205].

С.П. Шевырев в «Истории поэзии» указывал, что «современную науку», «приличнее» всего назвать «мыслящей Историей», и подчеркивал, что «знание наше тогда будет полно, когда Философия поверится Историей и обратно История согласится с Философией» [Шевырев, 1836, с. 3].

Очевидно, что с Шевыревым, наиболее ценимым Гоголем критиком, он был солидарен и в апологии этим гоголевским приятелем и единомышленником художественной литературы, сравнительно с философией. Автор научной диссертации о Данте Шевырев тоже считал образную словесность, сравнительно с религией, наукой и искусством, «самым полным выражением всей человеческой жизни народов» [Шевырев, 1841, с. 221]. Этим, кстати сказать, Шевырев прямо отвечал на господствовавшее в Германии «мнение Гегелистов», будто «Поэзия» есть лишь «одна из ступеней человека в его стремлении к Философии всепоглощающей». На этот счет Шевырев замечал:

Печален этот упадок поэзии Немецкой, это беспомощное ее состояние по смерти Гете. Если где может быть оправдано местными явлениями мнение Гегелистов, которые полагают, что Поэзия есть одна из ступеней человека в его стремлении к Философии всепоглощающей, то это, конечно, в Германии. <...> Поэзия Немецкая истлевет и готова превратиться в скелет философский [Шевырев, 1841, с. 275].

Гоголь в «Мертвых душах», размышляя об «искривленных, глухих, узких, непроходимых, заносящих далеко в сторону дорогах», которые «избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 203] (а также о том, как человек, в своих нелепых предпочтениях, пропускает «мимо создание поэта, ясное как день, все проникнутое согласием и высокою мудростью простоты», а «бросается именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетет, изломает, выворотит природу» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 200]), — тоже подразумевал создание «высшего», сравнительно с отвлеченными философствованиями, рода словесности — подлинной, связанной с практической жизнью, проникнутой глубокой мыслью поэзии, о которой писал в 1846 г. в «Учебной книге словесности для русского юношества» [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 324]. С этими размышлениями напрямую связано и авторское определение жанра «Мертвых душ» как поэмы [Виноградов, 2016]. Задачу создания такой словесности Гоголь непосредственно ставил в 1836 г. в своей рецензии на учебник А.Г. Ободовского. Слова в «Мертвых душах» о «создании поэта», «ясном как день», — оставляемом, однако, в пользу путаницы «какого-нибудь удалца», — буквальная «цитата» из рецензии 1836 г. — повторение вывода, содержащегося в ее заключительных строках: «<...> только посредственность бывает виною, что изысканная, неправильная мысль иногда предпочитается глубокой и простой» [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 205].

7. Гоголь, Пушкин, Плетнев: педагогика и государственность

В пользу соотнесения гоголевской рецензии с книгой А.Г. Ободовского говорит еще одно важное обстоятельство. Оно тоже связано с именем Пушкина — издателя «Современника».

Излагая в рецензии собственные взгляды на методы воспитания, Гоголь обращался к тому опыту и к тем навыкам пропедевтики, которые получил сам при создании своих художественных и произведений — повестей «Вечеров...» (1831–1832), «Миргорода» (1834), «Арабесок» (1834), а также во время преподавания в 1831–1835 гг. истории в Патриотическом институте благородных девиц и, в 1834–1835 гг., — в Императорском университете. В университет Гоголь, как уже отмечалось, поступил благодаря пушкинской рекомендации

министру С.С. Уварову; в Патриотический институт — по ходатайству перед императрицей Александрой Федоровной (женой Николая I) П.А. Плетнева, друга Пушкина.

«Руководство к педагогике...» Ободовского посвящено «Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Александре Федоровне» [Нимейер, Ободовский, 1835, с. V]. Книгу предваряет обращение Ободовского к императрице как «Августейшей Покровительнице Учебных Заведений» [Нимейер, Ободовский, 1835, с. VII–VIII].

В первом номере пушкинского «Современника» (куда Гоголь писал свои рецензии) была помещена программная статья П.А. Плетнева «Императрица Мария» [Плетнев, 1836]. Статья, в свою очередь, была посвящена многолетней деятельности в качестве попечительницы женских учебных заведений в России покойной императрицы Марии Федоровны (1759–1828), супруги Павла I.

Традиционно в XIX в. вся женская половина Двора, все государыни — Мария Федоровна, Елизавета Алексеевна, Александра Федоровна — покровительствовали в России женскому образованию. Учебное заведение, где преподавал в первой половине 1830-х гг. Гоголь (и где также несколько лет, с 1832 по 1839 г., обучались его сестры), — Патриотический институт благородных девиц, — тоже был одним из заведений, находившихся под венценосным покровительством, — он принадлежал к ведомству императрицы Елизаветы Алексеевны (1779–1826), супруги Александра I. Ко времени поступления Гоголя на службу в Патриотический институт его покровительницей (и попечительницей всех женских институтов в России) стала супруга Николая I Александра Федоровна — которой Ободовский и посвятил свою книгу.

В упомянутой статье Плетнева, занимавшей первое место среди прозаических статей «Современника» (сразу после стихотворения Пушкина «Пир Петра Первого») (пушкинские стихи и плетневская статья составили вместе «лицо» нового журнала [Виноградов, 2019а, с. 89–90]), давалась чрезвычайно высокая оценка деятельности императрицы Марии Федоровны. Сам Плетнев на протяжении многих лет был преподавателем и инспектором петербургских женских учебных заведений, состоял учителем великой княгини Елены Павловны, великих княжон и наследника.

Со статьей Плетнева (который, как уже говорилось, и рекомендовал Гоголя императрице в качестве учителя в Патриотический

институт) писатель был знаком довольно основательно. Многие педагогические наблюдения Плетнева он использовал затем в своих художественных произведениях (см.: [Виноградов, 2019b, с. 116–119]). Однако с некоторыми плетневскими положениями Гоголь, тоже педагог и художник, одновременно полемизировал. Так, Плетнев писал:

Устройство заведений для образования женского пола ни в чем не требует улучшения. Поверхностные только судьи, не входящие в подробности этого дела, не умеющие обнять его со всех сторон, могут оставаться при своем сомнении [Плетнев, 1836, с. 7].

На практике, однако, оказывалось иначе. Будучи реалистом, Гоголь, полемизируя с Плетневым, не преминул отметить недостатки пансионного воспитания в «Мертвых душах». Основания для неутешительных выводов Гоголь, очевидно, черпал из личных впечатлений, в первую очередь наблюдений над своими сестрами — воспитанницами Патриотического института. В частности, поведение своих сестер сразу после выпуска из учебного заведения в конце 1839 г. он отразил в девятой главе поэмы [Виноградов, 2022, с. 219]. Оно послужило ему тогда непосредственным материалом для комического диалога двух дам о нарядах в этой главе:

«Да, поздравляю вас: оборок больше не носят. <...> На место их фестончики». — «Как фестончики?» — «Фестончики, всё фестончики, и сзади фестончики, и на рукавах фестончики, и вокруг плеч фестончики, и внизу фестончики, везде фестончики» [Гоголь, 1951–1952, т. 6, с. 494–495].

Будучи на протяжении пяти лет преподавателем Патриотического института [Виноградов, 2017–2018, т. 2, с. 91–93, 413–414], Гоголь был хорошо знаком с преподавательской практикой своего времени. Институт представлял собой закрытый женский пансион с программой гимназий. В поэме Гоголь, характеризуя супругу «сладкого» помещика Манилова, писал о женских пансионах:

<...> хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык, необходимый

для счастья семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 26–27].

Позднее в письме к сестре Елисавете Гоголь вновь подчеркивал:

Общественные [наши] женские заведенья вообще дурны, а теперь стали еще хуже. Тому, что всего нужней, везде учат плохо. Вижу и удостоверяюсь всё более, что женщина воспитывается только в семье (письмо от апреля 1850 г.) [Гоголь, 2009–2010, т. 15, с. 315].

Под стать получившей пансионное образование Маниловой и ее супруг, отвлеченный мечтатель, поставивший в своем саду беседку с надписью «Храм уединенного размышления» (в духе Н.М. Карамзина²⁶) [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 23], прошедший, по-видимому, все этапы псевдо-«питательного» чтения и дошедший, в результате чтения подобной литературы, до того состояния, когда от «охоты к чтению» не остается ничего [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 204]. В этом Манилов буквально «отражается» в своих губернских соседях, обитателях города NN, куда он наезжает, чтобы «увидеться с образованными людьми», следить с ними «какую-нибудь этакую науку» — сообщать душе «паренье этакое» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 29]. Губернские обыватели являются почитателями той самой отвлеченной мистики, что обличается в рецензии на книгу Ободовского, и сентиментальных произведений Карамзина и Жуковского — в частности, популярной «Людмилы» — переводной полуокультурной баллады о «мертвом женихе» немецкого поэта Г.А. Бюргера; ее искусно декламирует в поэме председатель палаты [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 151]. Об этом постепенно сужающемся круге чтения своих героев, «образованных» приятелей Манилова, сообщает автор в восьмой главе:

²⁶ К характеристике «не только сладкого, но даже приторного» Манилова [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 29] непосредственное отношение имеют строки Гоголя в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Подражатели Карамзина послужили жалкой карикатурой на него самого и довели как слог, так и мысли до сахарной приторности» [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 172]. В статье о поэзии Гоголь называл Карамзина в числе писателей, имевших «нежное, меланхолическое расположение» (так же Гоголь характеризовал здесь В.В. Капниста, В.А. Жуковского и князя И.М. Долгорукова) [Гоголь, 2009–2010, т. 6, с. 182].

<...> председатель палаты знал наизусть «Людмилу» <...>. Почтмейстер вдался более в философию и читал <...> Юнговы «Ночи» и «Ключ к таинствам натуры» Эккартсгаузена <...>. Прочие тоже были <...> люди просвещенные: кто читал Карамзина (речь, конечно, идет не о патриотической «Истории государства Российского», а о сентиментальных карамзинских повестях. — И.В.), кто «Московские Ведомости», кто даже *и совсем ничего не читал* (курсив мой. — И.В.) [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 152].

Манилов, впитавший «сахарность» карамзинской чувствительности — «заглядывавший», вместе с тем, в «Сын Отечества» (журнал Н.И. Греча и Ф.В. Булгарина) [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 29]; знающий и о «магнетизме души» (т. е. погружавшийся, вполне вероятно, и в философскую мистику, в писания по месмеризму и спиритуализму²⁷) [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 37], — тоже, после всего этого, уже «ничего не читает», в его кабинете два года лежит «какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 25–26]. Отвлеченная мечтательность, вместо трезвого духовного возрастания и практического делания, приводит в итоге «добрых» и «образованных» Маниловых к тому времяпрепровождению, о котором автор комической «Женитьбы» (1833–1842) сообщает во второй главе поэмы: «<...> весьма часто <...> напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 26]. (Об этом же «важном» «деле» сообщает и Ноздрев, отпуская в четвертой главе «Мертвых душ» зятя Мижуева к жене: «<...> важное в самом деле дело станете делать вместе» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 75]²⁸.)

В конечном счете размышления Гоголя вылились в поэме в хорошо известную «педагогическую» притчу в заключительной главе о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче — об «отце семейства»,

²⁷ М.Ю. Лермонтов в те же годы писал об увлечении общества магнетизмом и мистицизмом в «Тамбовской казначейше» (1837–1838): «Вообще я мог в году последнем / В девицах наших городских / Заметить страсть к воздушным бредням / И мистицизму. Бойтесь их! Такая мудрая супруга / В часы любовного досуга <...> Магнитизировать начнет — / И счастлив муж, коли заснет!..» [Лермонтов, 1838, с. 167].

²⁸ Оставленная на столе героя на два года книжка напоминает в этом отношении приметку *весеннего* Петербурга в гоголевских «Петербургских записках 1836 года», когда «качели уносят на воздух какого-то молодца <...> с <...> дамой в щегольской шляпке», а «книжки читаются ленивее» [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 524].

«обращенном более в умозрительную сторону» (он занят «философическим вопросом», почему зверь «не вылупливается из яйца» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 236]), и его «шаловливым» сыне, от которого все — «от дворовой девки до дворовой собаки» — «бежало прочь» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 236].

Другими словами, проблемы, поднятые Гоголем в рецензии на «Руководство к педагогике...» А.Г. Ободовского, размышления об отвлеченном философствовании и практической нравственности, оказываются чрезвычайно важными составляющими и в характеристиках изображенных им позднее «мертвых душ». Уже расставшись с Патриотическим институтом и Императорским университетом, Гоголь, безусловно, не утратил интереса к проблемам образования и воспитания; педагогика продолжала руководить им. Эти проблемы составляли главный нерв его творчества. Очевидно, прямо подразумевая маниловский быт, Гоголь, в частности, написал позднее особую статью «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту...» в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Критику схоластики, в том числе педагогической, Гоголь продолжил и во втором томе поэмы. Скептически оценивая здесь методы «новых преподавателей, с новыми взглядами и новыми точками воззрений» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 248–249], он писал:

Читали они учено, забросали слушателей множеством новых терминов и слов. Видна была и логическая связь, и следованье за новыми открытиями, но увы! не было только жизни в самой науке. Мертвечиной стало все это казаться в глазах уже начинавших понимать слушателей [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 249].

Напротив, выведенный тут же «идеальный» наставник Александр Петрович читает лекции «без всяких педантских терминов, огромных воззрений и взглядов, которыми любят пощеголять молодые профессора», — но при этом умеет «в немногих словах передать самую душу науки» [Гоголь, 2009–2010, т. 5, с. 375]. Отмечено, что контрастное противопоставление педагогов во втором томе «Мертвых душ» восходит к похожим образам ранней гоголевской статьи «Ал-Мамун» 1834 г. (написанной также в период общения Гоголя с Пушкиным) [Виноградов, 2019b, с. 120–124]. В статье противопоставляются два последовательно сменяющих друг друга (как позднее наставники в «Мертвых душах») «преобразователя» «арабской на-

ции»: отрицательный и положительный. С одной стороны, изображается неразумный халиф-схоласт Ал-Мамун, в другой — мудрый воспитатель народа Гарун-ар-Рашид — властитель, который сумел не «заграждать» и не «загромаживать» «бесплодным чужестранным просвещением» самобытное развитие арабов [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 351; т. 12, с. 73] [Виноградов, 2019b].

Подводя итог, можно заключить, что интерес Гоголя к первому отечественному учебному пособию по педагогике был закономерен. «Обойти» это издание в библиографическом списке «Современника» он попросту «не мог». Оценка Гоголем вышедшей книги совпала с его общим критическим взглядом на современное состояние отечественной педагогики, в том числе на женское образование, находившееся в ведомстве императрицы Александры Федоровны — покровительством которой пользовался автор «Руководства к педагогике...» Ободовский. Публикация в пушкинском «Современнике» педагогической статьи Плетнева «Императрица Мария» в свою очередь подсказывает, что из всех «нелитературных» книг в библиографическом списке журнала отрецензирован должен был быть, с весьма значительной долей вероятности, и педагогический труд Ободовского. Эту задачу взял на себя в журнале Гоголь, но работу до конца не довел, оставив рецензию незавершенной. Кроме того обстоятельства, что изложение собственных взглядов на педагогику выходило за рамки жанра рецензии — для Гоголя это был первый опыт рецензирования, — можно высказать еще одну догадку, почему оно было прервано. Возможно, это произошло потому, что критика сочинения автора, приближенного ко Двору, была с гоголевской точки зрения — или с точки зрения Пушкина — неуместна. Кафедрой Гоголя, с которой он высказывал потом свои заветные убеждения, стало исключительно живое образное слово. Однако и от прямого внушения он тоже до конца не отказался. Это открытое слово «педагога», воспитателя нации прозвучало в 1847 г. «Выбранных местах из переписки с друзьями».

8. Послесловие отдела «Новые книги»: проблема авторства

В связи с новой атрибуцией гоголевской рецензии о «нелитературном» издании — отзывом на книгу Ободовского — вновь возникает давний вопрос о том, кому принадлежит заключительная

заметка раздела «Новые книги» в пушкинском «Современнике» — Пушкину или Гоголю?²⁹ В историю полуторавековой полемики теперь появляется возможность внести если не окончательную ясность, то по крайней мере некоторые коррективы. Содержание гоголевской рецензии на труд Ободовского дает к этому материал если не исчерпывающий, то по крайней мере существенный. Во всяком случае именно в «спорном» послесловии раздела «Новые книги», начинающемся словами «Вот книги, вышедшие в продолжение первой четверти сего года» [Новые книги, 1836, с. 318] появляется вдруг в пушкинском журнале та критика Гоголем издания Ободовского, которую он намеревался развернуть в своем незавершенном (и оставшемся неопубликованном) отзыве. В «Современнике» в послесловии раздела «Новые книги» (о принадлежности которого Пушкину или Гоголю гадают исследователи) повторяются сразу несколько положений из оставленной гоголевской рецензии.

Во-первых, — буквально «дублируются» слова об издании, не соответствующем «книгам литературы».

Во-вторых, — повторяется положение о важной роли современных «романов и повестей».

В-третьих, — гоголевскими являются и размышления о значении предмета истории для литературы.

На все эти важные схождения между рецензией Гоголя и послесловием в разделе «Новые книги» исследователи ранее внимания, к сожалению, не обращали. В соответствии с содержанием рецензии на книгу Ободовского автор послесловия (это, судя по отмеченным реминисценциям, Гоголь) пишет:

Вот книги, вышедшие в продолжение первой четверти сего года. <...> Иные по значительности своей требуют особого разбора. Иные, взятые отдельно, не принадлежат собственно к Словесности, которой преимущественно посвящен журнал наш, но, будучи сложены в общий итог книг, входят таким образом в область Литтературы и в этом отношении получили здесь место. Из сего реестра книг ощутительно заметно преобладание Романа и Повести, этих властелинов современной Литтературы. <...> Бесперывным появлением

²⁹ См. об этом: [Кулиш, 1856, с. 166]; [Тихонравов, 1889, с. 661]; [Лернер, 1911, с. 66–68]; [Томашевский, 1952b, с. 770]; [Томашевский, 1952с, с. 810]; [Рыскин, 1953, с. 165, 170–174]; [Березина, 1956, с. 307–312]; [Рыскин, 1964, с. 134–137].

в свет они, несмотря на глубокое свое ничтожество, свидетельствуют о всеобщей потребности. *История заглядывает урывками в Русскую Литтературу*. Капитальных и больших Исторических сочинений нет ни в переводах, ни в оригиналах. На Статистику и Экономию одни намеки (курсив мой. — И.В.) [Новые книги, 1836, с. 318–319]; [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 499].

Заключительная фраза заметки о «нелитературных» изданиях (которая, повторим, принадлежит очевидно, Гоголю) тоже может быть сопоставлена с критической оценкой в гоголевской рецензии «практического» учебника по педагогике А.Г. Ободовского:

Даже в значениях³⁰ практических, *не вторгающихся в быт Литтературный*, заметку тоже мелководие (курсив мой. — И.В.) [Новые книги, 1836, с. 319].

Переклички рецензии с послесловием раздела «Новые книги» еще раз свидетельствуют о чрезвычайной важности для Гоголя размышлений о педагогике — а также преимущественной значимости для него, среди других вышедших в 1835–1836 гг. книг, «Руководства...» А.Г. Ободовского. Рецензия на это издание сама по себе весьма значительна: она принадлежит к числу наиболее примечательных и наиболее содержательных гоголевских откликов на книги, написанных для «Современника». Из двадцати девяти таких рецензий в один ряд с ней можно поставить разве что «Исторические афоризмы Михаила Погодина» и «Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832 и 1833 годах...» [Гоголь, 2009–2010, т. 7, с. 481–484, 496–499]. Однако, судя по расположению рецензии в записной книге Гоголя — *впереди всех других*³¹, — именно с нее он приступил к составлению своих заметок о книгах для библиографического раздела журнала — и именно эта книга имела для него первостепенное значение. Показательно, что теми же размышлениями, с которых начал, Гоголь завершил свое рецензирование. В итоговую заметку «Вот книги, вышедшие в продолжение первой четверти сего года» [Новые книги, 1836, с. 318] он вложил главные выводы из того, о чем

³⁰ Н.С. Тихонравов предложил читать «в знаниях» [Тихонравов, 1889, с. 661]. Такое чтение поддержали О.Б. Билинkis и Б.В. Томашевский (см.: [Гоголь, 1951–1952, т. 8, с. 499]).

³¹ См. об этом выше, в разделе 1-м наст. статьи (примеч. 3).

думал, когда, приступая к работе, избрал в качестве первоочередного для рецензирования переводной труд А.Г. Ободовского. С рецензией Гоголя «Руководство к педагогике, или Науке воспитания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским» объединяет общий характер поднимаемых проблем и одинаковое участие рецензента и автора книги в деле российского образования.

Список литературы

1. Березина, 1956 — *Березина В.Г.* Из истории «Современника» Пушкина // Пушкин: исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 278–312.
2. Виноградов, 2016 — *Виноградов И.А.* Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н.В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.
3. Виноградов, 2017–2018 — *Виноградов И.А.* Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852): в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017. Т. 1. 736 с.; Т. 2. 672 с.; Т. 3. 672 с.; 2018. Т. 4. 704 с.; Т. 5. 928 с.; Т. 6. 656 с.
4. Виноградов, 2019a — *Виноградов И.А.* «Когда в товарищах согласья нет...» А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, С.С. Уваров // Два века русской классики. 2019. Т. 1. № 1. С. 32–102. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103>
5. Виноградов, 2019b — *Виноградов И.А.* Образ монарха-наставника в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 111–134. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6202>
6. Виноградов, 2022 — *Виноградов И.А.* Н.В. Гоголь и Алтайская миссия преподобного Макария (Глухарёва) // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 216–226. https://doi.org/10.47132/1814-5574_2022_2_216
7. Виноградов, 2024 — *Виноградов И.А.* Гоголевская энциклопедия. Произведения, наброски, подготовительные материалы: в 7 т. М.: ИМЛИ РАН, Река времен, 2024. Т. 1: А–Ж. 1024 с. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0749-6>
8. Вяземский, 1847 — *Вяземский П.А.*, князь. Языков. — Гоголь // Санктпетербургские Ведомости. 1847. 24 апр. № 90; 25 апр. № 91. С. 417–422.
9. Гоголь, 1951–1952 — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Л.>: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 6: Тексты и коммент. подготовили В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур. 923 с.; 1952. Т. 8: Тексты и коммент. подготовили О.Б. Билински, Л.М. Лотман, В.Б. Томашевский, Г.М. Фридендер. 816 с.
10. Гоголь, 2009–2010 — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 1–15. 664 + 688 + 680 + 744 + 816 + 720 + 968 + 392 + 488 + 704 + 592 + 608 + 624 с.; 2010. Т. 17. 936 с.
11. Джуринский, 2010 — *Джуринский А.Н.* История российской педагогики: учебное пособие. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. 232 с.
12. Димитрий Ростовский, 1764 — *<Димитрий Ростовский, свт.>* Книга житий святых: в 4 т. Киев: Киевопечерская Лавра, 1764. Т. 2: На три месяца вторых, еже есть: Декемврій, Іаннуарій и Февруарій. 567 л.

13. Долдобанов, Сидоров, 2016 — <Долдобанов Г.И., Сидоров И.С.> Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина: 1826–1837: в 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 3. Кн. 1: 1835 — сентябрь 1836 / сост. Г.И. Долдобанов, И.С. Сидоров. 872 с.
14. Дубровский, 2008 — Дубровский А.В. Н.В. Гоголь и «мнимый Пушкин» (К вопросу об авторстве стихотворения «Первая ночь») // Н.В. Гоголь и народная культура. Седьмые Гоголевские чтения. М.: ЧеРо, 2008. С. 336–345.
15. Кант, 1994 — Кант И. Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. / Юбилейное издание. 1794–1994. Под общ. ред. проф. А.В. Гулыги. М.: ЧОРО, 1994. Т. 2. С. 85–142.
16. Каптерев, 1914 — Каптерев П.Ф. История русской педагогики / изд. О. Богдановой. СПб.: Тип. Акц<ионерного> Общ<ества> Типографского Дела, 1914. 540 с.
17. Коровин, 2007 — Коровин В.М., Свиридов В.А. А.Г. Ободовский — автор первого отечественного учебника педагогики // Педагогика. 2007. № 3. С. 89–94.
18. Кулиш, 1856 — <Кулиш П.А.> Николай М. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. В двух томах. С портретом Гоголя. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1856. Т. 1. 339 с.
19. Лермонтов, 1838 — <Лермонтов М.Ю.> Казначейша // Современник. 1838. Т. 11. С. 149–178.
20. Лернер, 1911 — Лернер Н.О. Заметки о Пушкине // Русский библиофил. 1911. № 5. Сентябрь. С. 60–71.
21. Нимейер, Ободовский, 1835 — <Нимейер А.Г., Ободовский А.Г.> Руководство к педагогике, или Науке воспитания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским, Инспектором Классов Императорского Санктпетербургского Воспитательного Дома. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1835. VIII + 236 с.
22. Нимейер, Ободовский, 1837 — <Нимейер А.Г., Ободовский А.Г.> Руководство к дидактике, или науке преподавания, составленное по Нимейеру Александром Ободовским, Инспектором классов Императорского Санктпетербургского Воспитательного Дома. 2-е изд. СПб.: Тип. Е. Вингебера, 1837. VIII + 166 с.
23. Новые книги, 1836 — Новые книги // Современник. 1836. Т. 1. С. 296–319.
24. Новые Русские книги, 1836 — Новые Русские книги, вышедшие с апреля месяца 1836 года // Современник. 1836. Т. 2. С. 313–318.
25. Ободовский, 1834 — <Ободовский А.Г.> Начальные основания космографии, или Описание устройства Вселенной. Соч. А. Ободовского. С атласом, состоящим из 16 таблиц. СПб.: Тип. III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1834. 208 с.
26. Ободовский, 1836 — <Ободовский А.Г.> Атлас к космографии А. Ободовского. <СПб.: Тип. III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836>. XVI табл.
27. Ольдекоп, 1834 — <Ольдекоп Е.И.> Картины мира, или Полезное и приятное чтение для юношества. Изданием книгопродавца Е. Эггера в Ревеле. СПб.: Тип. III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1834. Ч. 1. XVI + 64 с.
28. Ольдекоп, 1836 — <Ольдекоп Е.И.> Картины мира, или Полезное и приятное чтение для юношества. Издание книгопродавца Е. Эггера в Ревеле. СПб.: Тип. III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. Ч. 2. IV + 64 с.
29. Плетнев, 1836 — <Плетнев П.А.> Императрица Мария // Современник. 1836. Т. 1. С. 4–13.

30. Пушкин, 1825 — <Пушкин А.С.> Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. <Разговор книгопродавца с поэтом; Глава первая>. СПб.: Тип. Департамента Народного Просвещения, 1825. 60 с.
31. Пушкин, 1826 — <Пушкин А.С.> Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина / Глава вторая. Писано в 1823 году. М.: Тип. Августа Семена, при Императорской Мед<ико>-Хирургической Академии, 1826. 42 с.
32. Пушкин, 1828 — <Пушкин А.С.> Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Глава IV и <глава> V. СПб.: Тип. Департамента Народного Просвещения, 1828. 93 с.
33. Пушкин, 1841 — Пушкин А.С. Москва // <Пушкин А.С.> Соч. Александра Пушкина. СПб.: Тип. И. Глазунова и К^о, 1841. Т. 11. С. 13–18.
34. Пушкин, 1937–1959 — Пушкин. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.
35. Руководство, 1836 — Руководство к сокращенному познанию всех наук, искусств и художеств, для употребления юношества. Расположенное на вопросы и ответы / пер. с франц. М.: Тип. Н. Степанова, 1836. 319 + IV с.
36. Рындак, Аллагулов, 2010 — Рындак В.Г., Аллагулов А.М. История педагогики и образования. VI–XIX вв. Россия: Учебное пособие. Оренбург: ОГИМ, 2010. 426 с.
37. Рыскин, 1953 — Рыскин Е.И. Н.В. Гоголь и библиография // Советская библиография. Сборник статей и материалов. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1953. Вып. 1 (34). С. 163–179.
38. Рыскин, 1964 — Рыскин Е.И. Пушкин или Гоголь? (О заключительной заметке к отделу «Новые книги» в пушкинском «Современнике») // Русская литература. 1964. № 1. С. 134–137.
39. Тихон Задонский, 1844 — <Тихон Задонский, свт.> Преосвященный Тихон I, Епископ Воронежский и Елецкий. М.: Тип. Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1844. 141 с.
40. Тихонравов, 1889 — Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // <Гоголь Н.В.> Соч. Н.В. Гоголя: в 7 т. / текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. 10-е изд. М.: Изд. книж<ого> маг<азина> В. Думнова, под фирмою «Наследники бр<атьев> Салаевых», 1889. Т. 5. С. 541–682.
41. Тихонравов, Шенрок, 1896 — <Тихонравов Н.С., Шенрок В.И.> Примечания редактора и варианты // Соч. Н.В. Гоголя: в 7 т. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. 10-е изд. М.; СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1896. Т. 6. С. 542–827.
42. Толль, 1862 — Толль Ф.Г. Педагогическое обозрение // Учитель. Журнал для наставников, родителей и всех желающих заниматься воспитанием и обучением детей. 1862. Март. № 5. С. 217–224.
43. Томашевский, 1952a — Томашевский Б.В. Рецензии из «Современника» // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Л.>: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 769–771.
44. Томашевский, 1952b — Томашевский Б.В. Рецензии, не вошедшие в «Современник» // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Л.>: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 771–775.

45. Томашевский, 1952с — *Томашевский Б.В.* Приписываемое Гоголю // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч.: <в 14 т.>. <Л.>: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 8. С. 809–810.
46. Цявловский, 1914 — <*Цявловский М.А.*> Пушкин по документам Погодинского архива / предисл. и публ. М. Цявловского // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / комис. для изд. соч. Пушкина при Отделении рус. яз. и словесности Императорской Академии наук. Пг.: Тип. Императорской Академии наук, 1914. Вып. 19/20. С. 63–94.
47. Шевырев, 1836 — <*Шевырев С.П.*> История поэзии. Чтения Адъюнкта Московского Университета Степана Шевырева. Том первый, содержащий в себе Историю Поэзии Индийцев и Евреев, с приложением двух вступительных чтений о характере образования и Поэзии главных народов новой Западной Европы. М.: Тип. А. Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1835 <1836> (цензурное разрешение 21 дек. 1835 г.). 3 + 333 с.
48. Шевырев, 1841 — *Шевырев С.* Взгляд Русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 1. № 1. С. 219–296.
49. Ярцова, 1836 — <*Ярцова Л.А.*> Первый день Светлого Праздника. Сочинение Л. Я. СПб.: В Гуттенберговой тип., 1836. 172 с.
50. Müller, 1834 — <*Müller F.H.*> Der Naturfreund, oder erster Unterricht in der Sternkultur und Narturlehre. Von Ferdinand Müller. Riga: Gedruckt bei Wilhelm Ferdinand Bäcker, 1834. 170 S.
51. Niemeyer, 1796 — <*Niemeyer A.H.*> Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Erzieher. Von D. August Hermann Niemeyer. Halle: Bei dem Verfasser und in Commission der Waisenhaus-Buchhandlung, 1796. X + 660 S.
52. Niemeyer, 1799 — <*Niemeyer A.H.*> Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Aeltern, Hauslehrer und Erzieher. Zweyte Auflage. Frankfurt und Leipzig: <Ohne Veröffentlichung>, 1799. Bd. 1. XVI + 308 S.

References

1. Berezina, V.G. "Iz istorii 'Sovremennika' Pushkina" ["From the History of Pushkin's *Sovremennik*"]. *Pushkin: issledovaniia i materialy* [*Pushkin: Studies and Materials*], vol. 1. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, pp. 278–312. (In Russ.)
2. Vinogradov, I.A. "Gogol' o poezii i skholastike. (K avtorskomu opredeleniiu zhanra 'Mertvykh dush')" ["Gogol on Poetry and Scholasticism (On the Author's Definition of the Genre of *Dead Souls*)"]. *Tvorchestvo N.V. Gogolia i evropeiskaia kul'tura. Piatnadsatye Gogolevskie chteniia* [*The Works of N.V. Gogol and European Culture: Fifteenth Gogol Readings*]. Moscow, Novosibirsk, Novosib. izd. dom Publ., 2016, pp. 226–233. (In Russ.)
3. Vinogradov, I.A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.V. Gogolia (1809–1852): v 7 tomakh* [*A Chronicle of the Life and Work of N.V. Gogol (1809–1852): in 7 vols*], vols. 1–3. Moscow, IWL RAS Publ., 2017; vols. 4–6. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. (In Russ.)
4. Vinogradov, I.A. "‘Kogda v tovarishchakh soglas'ia net...’ A.S. Pushkin, N.V. Gogol', S.S. Uvarov" ["‘When There's No Accord Among Comrades...’: A.S. Pushkin, N.V. Gogol, S.S. Uvarov"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 1, no. 1, 2019, pp. 32–102. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2019-1-1-34-103>
5. Vinogradov, I.A. "Obraz monarkha-nastavnika v tvorchestve N.V. Gogolia" ["The Image of the Monarch-Mentor in the Work of N.V. Gogol"]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 17, no. 2, 2019, pp. 111–134. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j9.art.2019.6202>

6. Vinogradov, I.A. "N.V. Gogol' i Altaiskaia missiia prepodobnogo Makarii (Glukhareva)" ["N.V. Gogol and the Altai Mission of St. Makarii (Glukharev)"]. *Khristianskoe chtenie*, no. 2, 2022, pp. 216–226. (In Russ.) https://doi.org/10.47132/1814-5574_2022_2_216
7. Vinogradov, I.A. *Gogolevskaia entsiklopediia. Proizvedeniia, nabroski, podgotovitel'nye materialy: v 7 tomakh* [The Gogol Encyclopedia: Works, Drafts, Preparatory Materials: in 7 vols], vol. 1: A–Zh. Moscow, IWL RAS, Reka vremeni Publ., 2024. 1024 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0749-6>
8. Viazemskii, P.A. "Iazykov. — Gogol'" ["Iazykov — Gogol"]. *Sanktpeterburgskie vedomosti*, 24 April 1847, no. 90; 25 April 1847, no. 91, pp. 417–422. (In Russ.)
9. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols], vol. 6, texts and commentary prepared by V.A. Zhdanov and E.E. Zaidenshnur. <Leningrad>, Izd-vo AN SSSR Publ., 1951. 923 p.; vol. 8, texts and commentary prepared by O.B. Bilinkis, L.M. Lotman, V.B. Tomashevskii, and G.M. Fridlender. <Leningrad>, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952. 816 p. (In Russ.)
10. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 17 tomakh (15 knigakh)* [Complete Works and Letters: in 17 vols (15 books)]. Compiled, prepared, and annotated by I.A. Vinogradov and V.A. Voropaev. Moscow, Kiev, Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 2009–2010. (In Russ.)
11. Dzhurinskii, A.N. *Istoriia rossiiskoi pedagogiki: uchebnoe posobie* [A History of Russian Pedagogy: A Study Guide]. Iuzhno-Sakhalinsk, SakhGU Publ., 2010. 232 p. (In Russ.)
12. <Dimitrii Rostovskii, sviatitel'>. *Kniga zhitii sviatykh: v 4 tomakh* [The Book of the Lives of the Saints: in 4 vols], vol. 2: Na tri mesiatsa vtorye, ezhe est': Dekemvrii, Ianuarii i Februarii [For the Second Set of Three Months, That Is: December, January, and February]. Kiev, Kiev-Pecherskaia Lavra Publ., 1764. 567 p. (In Russ.)
13. <Doldobanov, G.I., and I.S. Sidorov>. *Khronika zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina: v 3 tomakh. 1826–1837* [A Chronicle of the Life and Work of A.S. Pushkin: in 3 vols. 1826–1837], vol. 3, book 1: 1835 — sentiabr' 1836 [1835 — September 1836]. Compiled by G.I. Doldobanov and I.S. Sidorov. Moscow, IWL RAS Publ., 2016. 872 p. (In Russ.)
14. Dubrovskii, A.V. "N.V. Gogol' i 'mnimyi Pushkin' (K voprosu ob avtorstve stikhotvoreniia 'Pervaia noch')'" ["N.V. Gogol and the 'Illusory Pushkin' (On the Question of the Authorship of the Poem 'The First Night')"]. *N.V. Gogol' i narodnaia kul'tura. Sed'mye Gogolevskie chteniia* [N.V. Gogol and Folk Culture: Seventh Gogol Readings]. Moscow, CheRo Publ., 2008, pp. 336–345. (In Russ.)
15. Kant, Immanuel. "Nabliudeniia nad chuvstvom prekrasnogo i vozvyshennogo" ["Observations on the Feeling of the Beautiful and the Sublime"]. *Sobranie sochinenii: v 8 tomakh. Iubileinoe izdanie. 1794–1994* [Collected Works: in 8 vols. Anniversary Edition. 1794–1994], vol. 2. Edited by A.V. Gulyga. Moscow, "ChORO" Publ., 1994, pp. 85–142. (In Russ.)
16. Kapterev, P.F. *Istoriia russkoi pedagogii* [A History of Russian Pedagogy]. Edition of O. Bogdanova. St. Petersburg, Tipografiia Aktsionernogo Obshchestva Tipografskogo Dela Publ., 1914. 540 p. (In Russ.)
17. Korovin, V.M., and V.A. Sviridov. "A.G. Obodovskii — avtor pervogo otechestvennogo uchebnika pedagogiki" ["A.G. Obodovskii: Author of the First Native Textbook of Pedagogy"]. *Pedagogika*, no. 3, 2007, pp. 89–94. (In Russ.)
18. <Kulich, P.A.> [writing as "Nikolai M."]. *Zapiski o zhizni Nikolaia Vasil'evicha Gogolia, sostavlennye iz vospominanii ego druzei i znakomykh i iz ego sobstvennykh pisem*

[*Notes on the Life of Nikolai Vasilievich Gogol, Compiled from the Memoirs of His Friends and Acquaintances and from His Own Letters*]. In two volumes, with a portrait of Gogol. Vol. 1. St. Petersburg, V tipografii A. Iakobsona, 1856, 339 p. (In Russ.)

19. <Lermontov, M.Iu.> “Kaznacheisha” [“The Treasurer’s Wife”]. *Sovremennik*, vol. 11, 1838, pp. 149–178. (In Russ.)

20. Lerner, N.O. “Zametki o Pushkine” [“Notes on Pushkin”]. *Russkii bibliofil*, no. 5, September 1911, pp. 60–71. (In Russ.)

21. <Niemeyer, August Hermann, and A.G. Obodovskii>. *Rukovodstvo k pedagogike, ili Nauke vospitaniia, sostavlennoe po Nimeieru Aleksandrom Obodovskim, Inspektorom Klassov Imperatorskogo Sanktpeterburgskogo Vospitatel’nogo Doma* [A Guide to Pedagogy, or the Science of Education, Compiled after Niemeyer by Aleksandr Obodovskii, Inspector of Classes of the Imperial St. Petersburg Foundling Home]. St. Petersburg, V Tipografii K. Vingebera, 1835. VIII + 236 p. (In Russ.)

22. <Niemeyer, August Hermann, and A.G. Obodovskii>. *Rukovodstvo k didaktike, ili nauke prepodavaniia, sostavlennoe po Nimeieru Aleksandrom Obodovskim, Inspektorom klassov Imperatorskogo Sanktpeterburgskogo Vospitatel’nogo Doma* [A Guide to Didactics, or the Science of Teaching, Compiled after Niemeyer by Aleksandr Obodovskii, Inspector of Classes of the Imperial St. Petersburg Foundling Home]. 2nd ed. St. Petersburg, V tipografii E. Vingebera, 1837. VIII + 166 p. (In Russ.)

23. “Novye knigi” [“New Books”]. *Sovremennik*, vol. 1, 1836, pp. 296–319. (In Russ.)

24. “Novye Russkie knigi, vyshedshie s apreliia mesiatsa 1836 goda” [“New Russian Books Published Since April 1836”]. *Sovremennik*, vol. 2, 1836, pp. 313–318. (In Russ.)

25. <Obodovskii, A.G.> *Nachal’nye osnovaniia kosmografii, ili Opisanie ustroistva Vselennoi* [Elementary Foundations of Cosmography, or A Description of the Structure of the Universe]. With an atlas of 16 plates. St. Petersburg, V tipografii III Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1834. 208 p. (In Russ.)

26. <Obodovskii, A.G.> *Atlas k kosmografii A. Obodovskogo* [Atlas to A. Obodovskii’s Cosmography]. <St. Petersburg, V tipografii III Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1836>. XVI plates. (In Russ.)

27. <Ol’dekop, E.I.> *Kartiny mira, ili Poleznoe i priiatnoe chtenie dlia iunoshstva* [Pictures of the World, or Useful and Pleasant Reading for Youth], part 1. At the expense of the bookseller E. Eggers in Reval. St. Petersburg, V tipografii III Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1834. XVI + 64 p. (In Russ.)

28. <Ol’dekop, E.I.> *Kartiny mira, ili Poleznoe i priiatnoe chtenie dlia iunoshstva* [Pictures of the World, or Useful and Pleasant Reading for Youth], part 2. At the expense of the bookseller E. Eggers in Reval. St. Petersburg, V tipografii III Otdeleniia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1836. IV + 64 p. (In Russ.)

29. <Pletnev, P.A.> “Imperatritsa Mariia” [“Empress Maria”]. *Sovremennik*, vol. 1, 1836, pp. 4–13. (In Russ.)

30. <Pushkin, A.S.> *Evgenii Onegin, roman v stikhakh. Sochinenie Aleksandra Pushkina* [Eugene Onegin, a Novel in Verse. A Work by Alexander Pushkin]. <Razgovor knigoprodavtsa s poetom; Glava pervaiia> [A Conversation between Bookseller and Poet; Chapter One]. St. Petersburg, V tipografii Departamenta Narodnogo Prosveshcheniia, 1825. 60 p. (In Russ.)

31. <Pushkin, A.S.> *Evgenii Onegin, roman v stikhakh. Sochinenie Aleksandra Pushkina* [Eugene Onegin, a Novel in Verse. A Work by Alexander Pushkin]. Glava vtoraiia. Pisano v

1823 godu [Chapter Two. Written in 1823]. Moscow, V Tipografii Avgusta Semena, pri Imperatorskoi Med<iko>-Khirur<gicheskoi> Akademii, 1826. 42 p. (In Russ.)

32. <Pushkin, A.S.> *Evgenii Onegin, roman v stikhakh. Sochinenie Aleksandra Pushkina* [*Eugene Onegin, a Novel in Verse. A Work by Alexander Pushkin*]. Glava IV i <glava> V [Chapters IV and <Chapter> V]. St. Petersburg, V tipografii Departamenta Narodnogo Prosveshcheniia, 1828. 93 p. (In Russ.)

33. Pushkin, A.S. "Moskva" ["Moscow"]. <Pushkin, A.S.> *Soch. Aleksandra Pushkina* [*Works of Alexander Pushkin*], vol. 11. St. Petersburg, V tipografii I. Glazunova i K°, 1841, pp. 13–18. (In Russ.)

34. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 tomakh* [Complete Works: in 16 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937–1959. (In Russ.)

35. *Rukovodstvo k sokrashchennomu poznaniuu vsekh nauk, iskusstv i khudozhestv, dlia upotrebleniia iunoshestva. Raspolozhennoe na voprosy i otvety* [A Guide to the Abridged Knowledge of All Sciences, Arts, and Crafts, for the Use of Youth: Arranged in Questions and Answers]. Translated from French. Moscow, V tipografii N. Stepanova, 1836. 319 + IV p. (In Russ.)

36. Ryndak, V.G., and A.M. Allagulov. *Istoriia pedagogiki i obrazovaniia. VI–XIX vv. Rossiia: uchebnoe posobie* [A History of Pedagogy and Education, 6th–19th Centuries. Russia: A Study Guide]. Orenburg, OGIM Publ., 2010. 426 p. (In Russ.)

37. Ryskin, E.I. "N.V. Gogol' i bibliografiia" ["N.V. Gogol and Bibliography"]. *Sovetskaia bibliografiia: sbornik statei i materialov* [Soviet Bibliography: A Collection of Articles and Materials], issue 1 (34). Moscow, Izdatel'stvo Vsesoiuznoi knizhnoi palaty Publ., 1953, pp. 163–179. (In Russ.)

38. Ryskin, E.I. "Pushkin ili Gogol'? (O zakliuchitel'noi zametke k otdelu 'Novye knigi' v pushkinskom 'Sovremennike')" ["Pushkin or Gogol? (On the Concluding Note to the 'New Books' Section in Pushkin's *Sovremennik*)"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1964, pp. 134–137. (In Russ.)

39. <Tikhon Zadonskii, sviatitel'> *Preosviashchennyi Tikhon I, Episkop Voronezhskii i Eletskaia* [His Grace Tikhon I, Bishop of Voronezh and Elets]. Moscow, V tipografii Avgusta Semena, pri Imperatorskoi Mediko-Khirurgicheskoi Akademii, 1844. 141 p. (In Russ.)

40. Tikhonravov, N.S. "Primechaniia redaktora i varianty" ["Editor's Notes and Variants"]. *Soch. N.V. Gogolia: v 7 tomakh* [Works of N.V. Gogol: in 7 vols]. Text collated with the author's autograph manuscripts and the first editions of his works by N. Tikhonravov. 10th ed., vol. 5. Moscow, Izdanie knizh<nogo> mag<azina> V. Dumnova, pod firmoiu "Nasledniki br<at'ev> Salaevykh" Publ., 1889, pp. 541–682. (In Russ.)

41. <Tikhonravov, N.S., and V.I. Shenrok.> "Primechaniia redaktora i varianty" ["Editor's Notes and Variants"]. *Soch. N.V. Gogolia: v 7 tomakh* [Works of N.V. Gogol: in 7 vols]. Text collated with the author's autograph manuscripts and the first editions of his works by N. Tikhonravov and V. Shenrok. 10th ed., vol. 6. Moscow, St. Petersburg, Izdanie A.F. Marksa Publ., 1896, pp. 542–827. (In Russ.)

42. Toll', F.G. "Pedagogicheskoe obozrenie" ["Pedagogical Review"]. *Uchitel'. Zhurnal dlia nastavnikov, roditel'ei i vsekh zhelaiushchikh zanimat'sia vospitaniem i obucheniem detei*, no. 5, March 1862, pp. 217–224. (In Russ.)

43. Tomashevskii, B.V. "Retsenzii iz 'Sovremennika'" ["Reviews from *Sovremennik*"]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols], vol. 8. Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952, pp. 769–771. (In Russ.)

44. Tomashevskii, B.V. "Retsenzii, ne voshedshie v 'Sovremennik'" ["Reviews Not Included in *Sovremennik*"]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols], vol. 8. Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952, pp. 771–775. (In Russ.)

45. Tomashevskii, B.V. "Pripisyvaemoe Gogoliu" ["Works Attributed to Gogol"]. Gogol', N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [Complete Works: in 14 vols], vol. 8. Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1952, pp. 809–810. (In Russ.)

46. <Tsiavlovskii, M.A.> "Pushkin po dokumentam Pogodinskogo arkhiva" ["Pushkin According to Documents from the Pogodin Archive"]. Preface and publication by M. Tsiavlovskii. *Pushkin i ego sovremenniki: materialy i issledovaniia* [Pushkin and His Contemporaries: Materials and Research]. Commission for the Publication of Pushkin's Works at the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, issue 19/20. Petrograd, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1914, pp. 63–94. (In Russ.)

47. <Shevyrev, S.P.> *Istoriia poezii. Chteniia Ad'iunkta Moskovskogo Universiteta Stepana Shevyreva* [A History of Poetry: Lectures by Stepan Shevyrev, Adjunct Professor of Moscow University]., vol. 1: containing the History of the Poetry of the Indians and the Hebrews, with an appendix of two introductory lectures on the character of the education and poetry of the principal peoples of modern Western Europe. Moscow, V tipografii A. Semena, pri Imperatorskoi Mediko-Khirurgicheskoi Akademii, 1835 <1836> (censor's approval 21 December 1835). 3 + 333 p. (In Russ.)

48. Shevyrev, S.P. "Vzgliad Russkogo na sovremennoe obrazovanie Evropy" ["A Russian's View of the Contemporary Education of Europe"]. *Moskvitianin*, part 1, no. 1, 1841, pp. 219–296. (In Russ.)

49. <Iartsova, L.A.> *Pervyi den' Svetlogo Prazdnika. Sochinenie L.Ia.* [The First Day of the Bright Feast. A Work by L.Ia.]. St. Petersburg, V Guttenbergovoi tipografii, 1836. 172 p. (In Russ.)

50. <Müller, Ferdinand.> *Der Naturfreund, oder erster Unterricht in der Sternkultur und Narturlehre. Von Ferdinand Müller.* Riga, Gedruckt bei Wilhelm Ferdinand Bäcker, 1834. 170 pp. (In German)

51. <Niemeyer, August Hermann.> *Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Erzieher. Von D. August Hermann Niemeyer.* Halle, Bei dem Verfasser und in Commission der Waisenhaus-Buchhandlung, 1796. X + 660 pp. (In German)

52. <Niemeyer, August Hermann.> *Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Aeltern, Hauslehrer und Erzieher.* 2nd ed., vol. 1. Frankfurt, Leipzig, <no publisher stated>, 1799. XVI + 308 pp. (In German)

Статья поступила в редакцию: 31.03.2026
Одобрена после рецензирования: 12.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 31 Mar. 2026
Approved after reviewing: 12 June 2026
Date of publication: 25 Sept. 2026